

Шнайдер Владимир
Шнайдер Герман

**Книжная серия
«Имена Алтая»**

выпуск третий

ББК 83.3(2Рос-Рус)6-8
Ш-76

Шнайдер В. А., Шнайдер Г. В.
Ш-76 Николай Чебаевский — очерк о жизни
и литературной деятельности. — Барнаул, 2016

ISBN 0000000000

Редакционный совет:
О. Ф. Гришко, писатель; Е.Н. Ишутина, заведующая
отделом истории просвещения и литературного
наследия Алтая ГМИЛИКА; М.В. Кургалина, журналист;

Данный очерк написан и издан к 100-летию
со дня рождения знаменитого сибирского писателя
Николая Николаевича Чебаевского 1917–1989 гг.

Николай Чебаевский

БИОГРАФИЧЕСКИЙ
ОЧЕРК

Барнаул
Алтайский дом печати
2016

Оглавление

ГЛАВА I	5
ГЛАВА II	18
ГЛАВА III	33
ГЛАВА IV	46
ГЛАВА V	59
ГЛАВА VI	63
ГЛАВА VII	78
ГЛАВА VII	88

Г Л А В А I

Николай Николаевич Чебаевский всю жизнь не просто считал себя счастливым, а действительно был им. Это могут подтвердить все, кто знал его: родные, друзья, товарищи, соседи, знакомые. Никто из них не вспомнит, чтобы Николай Николаевич хоть раз пожаловался на судьбу, рассказал о каком-либо невезении, посетовал на несправедливость. Не было этого. Хотя, если сказать честно, иногда ему было отчего печалиться и роптать на судьбу. С детства лишённый злыми людьми физической возможности передвигаться на своих ногах свободно, он, тем не менее, имел очень сильный характер с завидной силой воли и желанием жить полноценной общественной жизнью. И благодаря этим качествам добивался того, чего мог добиться далеко не каждый физически здоровый человек.

Для того чтобы полней и доступней рассказать о жизни Николая Николаевича, мы будем приводить в своём очерке выдержки из автобиографических заметок писателя.

Н. Н. Чебаевский¹: *«Начинают биографию с того, где родился и когда. А я начну с матери и отца. Родилась мать в маленькой деревушке недалеко от Вологды. Трехлетней девочкой осталась круглой сиротой: отец и мать ее умерли почти одновременно, как говорили тогда, «в семье смертный недуг красовался». А проще говоря, сгубили родителей матери горе да нужда. Семья была бедная, безлошадная, но, плотничая по окрестным деревням, отец худо-бедно кормил семью. Когда же он неожиданно умер, мать охватило отчаянье. Как жить, как поднять на ноги трёх девчонок? Старшей — Марине — было восемь лет, Маше,*

---

¹ Пунктуация и орфография сохранены.

моей матери, — три, а младшей сестренке Анне — всего два года. Если бы хоть мальчишки были, все бы надежда впереди светила. Ведь крестьянские парнишки, да еще при нужде, рано берутся за работу на земле, пастушатами ходят — и то кусок хлеба. А девчонки и подрастут — кто их без всякого приданого замуж возьмет? Короче, загоревала баба, слегла и умерла вслед за мужем. Сирот разобрала родня. Машу взял какой-то дальний родственник, кладбищенский сторож из города Грязовца. Но прожила она там недолго. Однажды летом пришел на кладбище заезжий лесничий со своей супругой. Наверное, был у них похоронен тут кто-то близкий, долго стояли они возле одной оградки. И супруга лесничего заметила, что бегают между могил с маленькой лейкой хорошенькая замарашка. Это была Маша, которой платили за уход за могилами, заставляли ее поливать цветы, подметать веником дорожки. Лесничиха поинтересовалась, кто эта девочка, пожалела.

— Поглядите, она вся в поту, тяжело ведь ей.

— Хлеб даром не дается, а сиротская доля, известно, несладкая, пушай привыкает к работе с малых лет, — хмуρο ответил сторож. Был он мужик не злой, но у него часто трещала голова с перепоя, и тогда он делался мрачным, угрюмым. И лесничихе, наверное, подумалось, что тяжкая участь ждет тут девчушку, она прониклась к ней еще большей жалостью и спросила мужа:

— А что если нам взять эту милую замарашку? Нашей Лизочке всегда скучно, играть не с кем, вот и будет подружка.

Лесничий согласился. Не стал возражать и сторож, наоборот, весьма обрадовался, когда лесничий вручил ему «в обмен» целых три рубля...

Так Маша оказалась в семье лесничего Золотилова. Лесничество было в сосновом бору, где-то под городом Шенкурском, южнее Архангельска. Кроме избы лесника, что стояла поодаль, никакого жилья вблизи не было. А у лесника ребята уже были большие, Лизочке играть действительно было не с кем. И на первых порах Маша жила в доме лесничего в роли подружки, живой игрушки для Лизочки. Но через год у Золотиловых родился сын, и стала Маша нянькой, а подрастая — и домашней работницей. Следила за детьми, убирала в доме, стирала, готовила пищу. Денег ей никаких не платили, но, надо сказать, жилось девочке неплохо. И лесник, и лесничиха были люди гуманные, образованные, относились к ней

почти по-родственному. Ела она за одним столом со всей семьей, одевалась, как барышня. Правда, все платья после Лизочки, но так как обновы той скоро надоедали, нельзя было сказать, что Маша донашивала старые платья.

А главное, Машу научили грамоте. Вернее, лесничиха учила Лизочку, давала ей, как тогда говорили, домашнее образование перед гимназией. А Маша все с ходу перенимала. В общем, сироте повезло. Хотя и росла она в доме лесничего нянькой и домашней работницей, но жила не в обиде. И выросла красивой, умной девушкой, была грамотной, что по тем временам в судьбе няньки и домработницы считалось редкостью. А когда Маша стала девушкой — невестой, приехал на лето в лесничество студент. Поселился в избе лесника и стал работать таксатором. Ходил по бору, определял делянки, клеймил и вел подсчет деревьев, которые предназначались к вырубке.

Это был мой отец.

Но начать надо, наверно, с деда. Дед мой был, я помню, могучий старик, степенный, немногословный, с окладистой бородой. Говорили, что смолоду он был силы громадной. Двадцативедерную бочку с водой нес на плече запросто. Натренировался, наверно, когда работал водоливом на барже на Северной Двине. Была тогда среди речников такая работа: стоял парень у речного насоса и откачивал воду, которая просачивалась в баржу сквозь проконопаченные борта.

А может быть и потому еще до старости дед сохранил завидное здоровье, что совсем ни горькую, ни сладкую, ни пива даже в рот не брал — ничего, кроме чая. Слышал, бывает такое у сектантов, но дед сектантом не был вообще, помнится, относился к Богу равнодушно, хотя, как и все тогда, в церковь на Пасху, Рождество и другие праздники ходил.

Водоливом дед ходил по Северной Двине молодым, а когда стал постарше, то овладел столярным делом и считался хорошим столяром, как говорят, краснодеревщиком.

Женился дед необыкновенно. Доживал свой век в городке какой-то вконец опустившийся парходный капитан. Была у этого капитана дочь, которую местные зубоскалы в глаза и за глаза называли не иначе как «капитанская дочка».

И вот однажды дочь капитана зашла в столярку к деду (тогда он еще только осваивал столярное дело), попросила сделать рамку для портрета покойной матери.

- А для отца не желаете заказать? — спросил дед.
— Он же живой, — сказала девица и отчего-то покраснела.
— А живого родителя разве нельзя поместить в рамку?

Девица покраснела еще больше, на глаза у нее навернулись слезы. И что-то перевернулось в груди деда. Он не просто пожалел девицу, а вдруг почувствовал нежность к ней. Увидел, что она красивая, ладная собой. Шальная мысль пришла ему в голову.

— А что если... — сбивчиво начал он. — Конечно, вы капитанская дочка, а я...

Девица гордо вскинула голову, в глазах ее сверкнул гнев.

— Я думала, вы — серьезный человек! — она не договорила, метнулась к двери.

— Постойте! — воскликнул дед. — Я не хотел вас обидеть... Я думал... Хоть вы и капитанская дочка, а я простой столяр, но может... Пошли бы вы за меня?

Девица резко повернулась, глаза ее округлились, в них застыло недоумение.

— Вы это серьезно? — спросила она немного погодя.

— Если пойдете за меня, то серьезно, а нет — так считайте хоть как. Я не красная девица, надо мной потешаться не будут, — ответил дед.

Капитанская дочка вовсе запунцовела, потупилась, долго молчала, а потом тихо произнесла:

— Я согласна. Только отца бросить не могу, а он... — горло у нее перехватило. — Да что там... сами знаете. И еще надо сказать — приданого не ждите.

— Да уж какое там приданое! Хватит нам и капитана, — пошутил дед.

Пустословом дед не был. Он назавтра же послал к капитанской дочке сватов. Женитьба столяра на капитанской дочке удивила в городе многих. И зубоскалы на первых порах подзуживали:

— Хоть нищая, а все капитанская дочка! Поди не чета простым-то девкам, а? Ночью-то особая?

Дед сдерживался, старался не обращать внимания. Но однажды не выдержал, сгреб одного, поднял над головой и швырнул с деревянного тротуара в непрлазную «миргородскую» лужу.

С тех пор насмешники унялись, остерегались дедовой силушки. Пьяницу капитана дед тоже унял. И довольно просто — отбирал у него пенсию, пить-то было не на что. Да

и побаивался капитан молчаливого зятя-богатыря и, видно, в душе благодарен был, что взял тот в жены его дочь. Только изредка, чаще в сенокосную пору, когда дед уезжал на луга ставить сено для коровы, капитан напивался, как говорят, до потери сознательности, начинал бушевать и вымогать у дочери деньги.

Капитанская дочка родила деду сначала дочь, а потом сына. Но сама пожила недолго, умерла, когда сын пошел в первый класс городского училища.

Несколько лет дед жил вдовцом. Но когда дочь окончила гимназию, уехала в деревню учительницей, женился второй раз. Взял вдову с двумя сыновьями-погодками.

В доме начались нелады. Сведенные братья враждовали между собой, постыдно дрались, расквашивали друг другу губы. И то ли дед утратил силу характера, то ли новая жена, больничная санитарка, характер имела еще посильней, но дед не смел никак наказывать ее сыновей, а своего жалел, тоже не наказывал. На наскоки жены, когда она требовала вмешательства, тоже не обращал внимания. Отмахивался.

— Подерутся — разойдутся. Подрастут — поумнеют. Мальчишки подрастали, но мир в дом не приходил. Кончилось тем, что родной сын ушел жить к старшей сестре, которая стала работать в библиотеке и снимала комнату. Вскоре сестра вышла замуж за учителя математики, уехала с ним в Рыбинск. Взяла с собой и брата. Там он окончил гимназию, потом при поддержке шурина поступил в институт в Петрограде, учился на землемера. А летом, чтобы подзаработать, поступал в какое-нибудь лесничество таксатором.

Так попал он и в лесничество к Золотилову. Естественно, студент не мог не заметить девушку-красавицу, живущую в семье Золотиловых. Тем более что в бору и замечать, кроме нее, было некого. Познакомились, а потом полюбили друг друга. И на следующее лето студент, получив диплом землемера, приехал в лесничество, женился на Маше и увез ее в Тверь, где начал работать в землеустроительной экспедиции.

Она была круглой сиротой, отец — полусиротой, и жизнь начали буквально с пустого места. Достаточно сказать, что даже ведра для воды на первых порах не имели. Утрами мать ходила за водой на ближнюю речку... с кувшином!

А спали вдвоем на узенькой раскладушке. Потом на этой раскладушке спал я и хорошо помню ее. Удивительная была раскладушка, совсем не такая, какие делают нынче. Сделанная из деревянных планочек, она складывалась, как гармонь, и места занимала не больше гармошки.

Конечно, со временем молодожены стали обзаводиться кое-чем, но только самым необходимым. Потому что жизнь у них была кочевая. Отец только зимами работал над картами в городе, где базировалась землеустроительная экспедиция, а каждое лето до снегов жил в разных деревнях, где проводилось землеустройство. Таскать за собой всякий скарб было неммыслимо, кочевали с матерью налегке.

Вскоре началась империалистическая война. Отца призвали в топографическое управление в Киев. Матери деться было некуда, она тоже поехала с ним. Там жили до 1916 года, а потом, не знаю почему, отца отправили в запасной полк в Елабугу.

Там я и родился в марте 1917 года. Вскоре отца перевели в запас по болезни, они с матерью опять вернулись в Северный край, как тогда называли Архангельскую и другие северные области.

И снова началась та же кочевая жизнь. Свалилось несчастье, с которого и начнется рассказ обо мне, о моей жизни.

Был Ильин день — местный престольный праздник, 1 августа. Жили мы в то лето в деревне возле реки Вилядь, на границе с нынешней Республикой Коми. Название деревни уже не помню, да, наверное, и нет ее уже на земле. Небольшая была деревня, а маленькие северные деревни многие исчезли. Недалеко от этой деревни образовалась коммуна, в которой отец проводил землеустройство. В те годы, в самом конце 20-х годов, началось вытеснение кулаков, начиналась коллективизация. Лучшие земли богачей и крестьян-единоличников отрезались, вернее, передавались коммуне, а единоличникам оставлялись «неудобицы», то есть малопродуктивные для пашни земли.

Конечно, среди единоличников, а особенно кулаков, было немало яростных противников такого переустройства. И поскольку землю отрезал для коммуны отец, то особенно ненавидели его, угрожали расправой. И не только угрожали. Однажды, когда мы уже спали, а отец засиделся за чертежным столом, составляя план земельного передела, стекла в окне вдруг со звоном вылетели, и возле самой головы отца пролетело тяжелое березовое полено,

гулко ударилось в стену. С одного конца это полено затесано, сделана как бы ручка, чтоб лучше было его бросать. И не наклонись отец именно в этот момент, чтоб поднять резинку, полено-граната могло бы запросто разбить ему голову. Едва опомнившись, отец схватил ружье, хотел выпрыгнуть в окно, чтоб попытаться задержать того, кто швырнул это полено, но мать со слезами повисла на нем:

— Убьют ведь тебя, убьют! Ночь ведь, ничего не видать, а он там, может, не один!

Разбитое окно отец загородил чертежной доской, второе — столешницей. Так потом каждую ночь и закрывали окна. Да и днем отец стал остерегаться, никуда не ходил один, а только с мужиками из коммуны.

— Сам он тогда уберется. Но беда настигла меня. В Ильин день на луговине возле реки случилась драка между деревенскими парнями. День стоял жаркий, солнечный, и мы с деревенскими ребятами последний раз этим летом купались в реке, потому что после этого дня по какому-то местному поверью купаться уже было нельзя. Бултыхались в воде до посинения, а когда вылезли на берег, увидели эту драку.

Деревенская ребятня кинулась по домам, чтоб призвать на помощь старших. А я остался на берегу, как говорят, разинув рот, смотрел в страхе на драку. Там дело дошло уже до кольев — парни начали их выдергивать из прясла у ближнего огорода.

Заглядевшись, я совсем не заметил, как кто-то подкрался сзади, сгреб меня, как в тиски, и швырнул под берег. А берег был крутой, высокий, и внизу, на песке, на побережье, был навален лес-кругляк, стояли козлы. Коммунары еще весной, в половодье, пригнали сюда несколько плотов, а когда вода спала, тут же, на побережье, стали распиливать круглый лес на тес и плахи.

Козлы лежали почему-то перевернутыми, при падении я угодил на них, в развилку между стояков — опор. Угодил ногами, а потом уже ударился о бревно спиной и головой. Но все равно удар был такой сильный и болезненный, что я потерял сознание.

Не знаю, через сколько времени очнулся, попытался встать, однако ноги пронзила такая боль, что я закричал, заревел во весь голос. Рев мой услышали друзья — мальчишки, сбегали под берег,

стали все вместе помогать мне. Только ничем помочь не смогли, я и шагу сделать не мог, боль была нестерпимой.

Кто-то сбегал за отцом. Он на руках принес меня домой, вернее, на квартиру, где мы жили. Попросил хозяина дома съездить за фельдшером в рабочее село, которое было километрах в десяти.

Фельдшер приехал, осмотрел меня и ничего не понял: руки, ноги, позвоночник, череп — все кости вроде бы целы, но температура у меня под 40, и боль такая, что дотронуться до себя не даю, исхожу криком. Кончилось тем, что во время осмотра я опять потерял сознание.

Предположительно фельдшер заключил: сотрясение мозга. Нужен мне полный покой, даже окна почему-то он велел завесить одеялом...».

На этом месте мы прервём воспоминания автора, и обратимся к материалам журналиста Виктора Серебряного, который летом 1959 года гостил у Николая Николаевича. Вот как он описал эту трагедию со слов Н.Чебаевского: «...Шёл 1928 год. Лето в области Коми только началось. Был ясный, погожий день. Мальчишки носились по полям около деревни, бродили по лесу... Не заметили, как на землю опустились сумерки. Коля — десятилетний сын землеустроителя Николая Чебаевского — заторопился домой. (После той ночи, как кулаки бросили в избу, высадив окно, тяжёлую плаху, мать всегда беспокоилась, если дети поздно задерживались на улице). Когда Коля подошёл к деревне, он услышал всхрипывание гармони, пьяный гомон. На дорогу вывалилась подвыпившая ватага. Это сельские кулаки справляли какой-то церковный праздник. Коля свернул к реке и пошёл над обрывом.

Вдруг за его спиной послышались шаги и сопение. Мальчик хотел оглянуться, но не успел: чьи-то огромные руки схватили его, подняли в воздух и швырнули с берега вниз.

Внизу были дрова. Колю нашли утром без сознания, с перешибленной поясницей. Ноги у него отнялись...»².

Совершенно другой разворот событий. Возможно, это В. С. Серебряный что-то напутал? Но перед публикацией такого материала обычно дают его для прочтения герою очерка. На текущий день, к сожалению, нет в живых ни

---

² Альманах «Алтай» № 13 1959 год, стр. 123

автора очерка, ни героя и установить, почему разнятся сюжеты, не удастся. Да, собственно, это неважно.

Вернёмся к дневнику Николая Николаевича:

«...Вся семья, а она к тому времени значительно выросла (были у меня уже шестилетний брат и двухлетняя сестренка), перебралась жить на кухню. Лежал я в темноте и тишине, жар по-прежнему сжигал и страшно было даже чуть-чуть пошевелиться — тогда боль резко усиливалась, становилась совершенно нестерпимой. Теперь это кажется невероятным, но было именно так: когда мать или отец входили в комнату и осторожно ставили мне градусник или приносили воду или еду, то каждое прикосновение, каждый их шаг, казалось, вызывал землетрясение, меня всего трясло от чудовищной боли. Я ничего не ел, даже шоколадные конфеты, которые до этого я никогда еще не пробовал, и которые отец купил теперь в райцентре, ничуть не обрадовали меня. Я так и не попробовал их: отец засунул конфеты под подушку, но потом их там не оказалось. Валя, младший братишка мой, как-то пронюхал об этих конфетах, сумел проскользнуть в темную комнату и, наверное, когда я впал в беспомощность или все-таки уснул, осторожно прокрался к кровати и утащил эти шоколадки.

Такие нестерпимые боли терзали меня дней десять, потом ноги распухли. Боль поутихла, только жар все не спадал.

Тогда фельдшер пришел к новому заключению: у меня не сотрясение головного, а воспаление костного мозга в ногах. И посоветовал отцу отвезти меня в город. Отец целый день вез меня в ходке на лошади, а потом мы еще долго плыли на маленьком парходике, пока не приплыли в город Великий Устюг, куда перебазировалась из Архангельска землеустроительная экспедиция, в которой работал отец.

В городской больнице хирург определил, что у меня травматологический остеомиелит. На суставе левой ноги опухоль стала спадать сама по себе, а правую ногу от таза до колена разнесло еще больше. Сделали мне операцию: разрежали, удалили гнойник, почистили, как сказал хирург, кость.

Боль исчезла, температура почти спала, вернулся аппетит, но рана почему-то не зарастала, гноилась и гноилась. Хирург решил: кость надо чистить снова, от нее идет воспаление. Сделали

новую операцию, рана стала зарастать, я уже начал сидеть на кровати, даже пытался, держась за ее спинку, встать на ноги.

Однако нога почему-то не разгибалась полностью. И хирург велел фельдшеру, здоровому краснощекому детине с толстым носом цвета картошки, массажировать, разминать мне ногу в колене.

Может быть, это и не так, но у меня на всю жизнь сохранилось убеждение, что этот фельдшер загубил мне ногу. Во время одного из массажей нога в бедре вдруг согнулась и отклонилась в сторону, будто между тазом и коленом образовалось еще одно колено.

Я ничего не понял, а фельдшер, выпучив глаза, смотрел на это новое «колено», потом круто повернулся и поспешно вышел из палаты.

Явился врач, осторожно согнул и разогнул мне ногу в новом «колене», хмыкнул и коротко сказал медицинской сестре:

— На операцию!

Потом мне сказали: произошел самопроизвольный перелом. Кость еще раз почистили, скрепили какими-то скобками и пластинками, заковали ногу в гипс и, видимо, для того чтобы я не мог расшевелить эти скобки и пластинки на кости, гипсовый панцирь наложили мне до пояса.

По первому снегу приехали в город отец и мать с братишкой и сестренкой. Сняли квартиру у какой-то одинокой старухи, а на завтра всей семьей пришли ко мне в больницу. Увидел я их в дверях — и захлебнулся слезами. Ревел и никак не мог остановиться. Так впервые узнал я, что человек может плакать от радости.

С тех пор родители навещали меня каждый приемный день, приносили всякой еды, помню, особенно мне нравилась «языковая» колбаса. Но от долгого лежания аппетит у меня был плохой, я сильно ослаб, весь, как говорят, иссыхал. Болей не было, но теперь почему-то страшно зудило, прямо горело тело под гипсом.

— Это просто мнительность, — говорил врач, — тут один выход — не надо на это обращать внимания.

Лежал я в гипсе долго, несколько месяцев. Не снимали его якобы потому, что рана на ноге не зарастала. В гипсе на бедре было оставлено окошечко, и туда через день заталкивали свежие бинты, а потом извлекали насквозь пропитанные гноем.

Наконец родители заподозрили: не дожидается ли хирург, когда я окончательно зачахну, помру? Они стали просить как-то помочь, может, сделать мне новую операцию

Тогда гипс с меня сняли. И что же обнаружилось? В складках гипсового панциря поселились... клопы! Они буквально пожирали меня, от того и зудилась, нестерпимо горела кожа под гипсом. Кроме того, на спине от долгого лежания образовался сплошной пролежень... Но самое страшное было то, что напротив окошка в гипсе, куда заталкивали в рану бинты, кость «проела» тело и теперь торчала наружу, черная, неживая.

Медицинская сестра, снимая гипс, испуганно охнула, бросилась за хирургом.

— Готовить на операцию! — отдал тот команду.

Так я попал на четвертую операцию. И то ли был слишком слаб, то ли дозу хлороформа дали излишнюю, но не просыпался я очень долго, даже, говорила потом палатная нянечка, надежду потеряли, что «очухаюсь». Но я все-таки проснулся, рвало потом страшно, прямо исходил какой-то зеленью.

А когда пришел в себя, то почувствовал — страшно затекла правая нога, стала будто деревянной. Попытался пошевелить, передвинуть ее, но не смог и пальцами пошевелить. Попросил тогда нянечку:

— Маша, помоги, пожалуйста... Нога у меня затекла, передвинь ее. Маша подошла, подняла и передвинула в сторону... левую ногу.

— Не эту, — говорю я, — не левую, а правую!

Нянечка поглядела на меня с удивлением, отошла, ничего не сказав.

Тут у меня страшно зачесалась пятка этой правой ноги. Я попытался привстать, чтоб дотянуться рукой, сил не хватило. Хотел почесать левой ногой — тоже ничего не вышло.

— Маша, — умоляю я тогда чуть не со слезами. — Посмотри, пятка шибко зачесалась, может, опять там клопы!

Она подошла, откинула одеяло, осмотрела мою левую ногу...

— Чего ты врешь! Чистая пяточка, никого там нет, никаких клопов!

— Да не левую, а правую! — говорю я.

Нянечка с недоумением глянула на меня, произнесла растерянно:

— Так нет же правой-то!.. — Нянечка откинула одеяло... Посмотри, дескать, сам.

С трудом приподнял я голову, посмотрел. Правой ноги действительно не было...».

И вновь прервём чтение дневника и заглянем в очерк В. Серебряного. В дневнике говорится, что виновником ампутации правой ноги, всего верней, стал фельдшер, краснощёкий детина, который во время массажи нечаянно сломал ногу. В очерке же В. Серебряного, написанного со слов писателя, ампутация правой ноги состоялась после: «...когда он (Чебаевский В. III.) ехал домой, произошло крушение поезда. Снова больница. Пришлось ампутировать ногу...»³.

Значительная разница.

Из дневника: «...Не знаю, потрясенье ли было таким сильным или после операции я совершенно ослаб, но навалилось тут на меня какое-то страшное безразличие. Я не вскрикнул от испуга, не обронил ни единой слезинки, а пустыми глазами уставился в потолок, лежал, как говорила потом нянечка «покойник покойником».

Пришел отец, попытался как-то утешить, говорил, как хирург объяснил ему, что кость совсем омертвела, разрушилась, и другого выхода, кроме ампутации ноги, не было.

— Ничего, это без головы жить нельзя, а без ноги можно... — говорил он. А я все так же смотрел в потолок, не отзываясь ни словом.

После операции отец выпросил у хирурга мою ампутированную ногу, чтобы самому похоронить ее на кладбище. Завернув ее в оберточную бумагу, он принес ее на квартиру и, поскольку дело было уже к вечеру, оставил ее до утра на полке в холодных сенях. А сам принялся успокаивать плачущую мать, ревуших заодно с ней, хотя и не осознававших горя моих братишку и сестренку.

Вдруг в сенках раздался дикий крик, потом что-то тяжело упало на пол. Отец и мать бросились туда и увидели там распротертую на полу старуху — хозяйку дома, а рядом — полуразвернутый длинный сверток. Оказывается, старуха заметила, что отец принес что-то необыкновенное, поскольку беспокоино огля-

³ Альманах «Алтай» № 13 1959 год, стр. 123

дывался, и припрятал это в длинный угол сенок. Любопытство одолело старуху, она развернула сверток, а когда увидела в нем отрезанную человеческую ногу, заорала по-дурному и без сознания грохнулась на пол.

Перепуганные отец и мать кое-как привели старуху в чувство, еле втолковав ей, что это за нога. Но окончательно поверила она им, пожалуй, лишь тогда, когда меня без ноги привезли из больницы.

Об этой истории отец потом вспоминал и со смехом, и со страхом. В самом деле, старуха ведь могла и умереть от испуга, обнаружив в свертке человеческую ногу. Тогда бы не миновать суда.

На лето мы опять всей семьей уехали в деревню, где отец производил очередное обмежевание, на этот раз государственной лесной дачи. Здесь ему никто не угрожал, жилось спокойно. Но тут дошла до нас весть, что в коммуне, где проводил он землеустройство прошлым летом, убили председателя. Преступление совершил сын бывшего волостного старшины. И на суде он со злобой объявил, что и меня искалечил он же.

Полной новостью это, конечно, не было. Хотя я и не видел, кто меня сбросил под берег, никаких свидетелей тогда не нашлось, но все равно было ясно, что мстили отцу. А теперь вот подтвердилось, и мать стала жить в постоянном страхе: а вдруг отца убьют?

Да и кочевая жизнь надоела. Мать стала настойчиво требовать, чтобы отец устраивался на работу без разъездов. И в самом деле, нелегко было совершать эти постоянные переезды: на зиму — в город, на лето — в деревню, причем всякий раз в другую. Надо было подыскивать квартиры, заводить знакомство с новыми соседями, выяснять, где можно купить молоко, мясо, другие продукты. К тому же я совсем не мог ходить. Сустав левой ноги болел, даже наступить на ногу было невозможно. Приближался к школьному возрасту братишка, подрастала и сестренка. Как тут было не задуматься о том, где и как жить?

Отец написал своему товарищу, который незадолго до этого уехал в Сибирь, работал теперь землеустроителем в Камне-на-Оби. Спрашивал, какие условия, не найдется ли у него место райзема, чтоб семье жить без кочевий. Товарищ ответил, что живут люди в Сибири хорошо, на базарах всего вволю: и муки, и мяса, и масла, и других продуктов. Это выглядело почти сказкой.

В Северном крае, в деревне, где мы тогда жили, даже ржаной муки купить было непросто, а мясо можно было достать только по случаю, если по нужде кололи какую-нибудь скотину.

Осенью, когда закончились полевые землеустроительные работы, отец съездил в Москву, побывал в Наркомземе, получил направление в Западно-Сибирский край, а там уже должны были направить его районным землеустроителем в какой-нибудь из районов этого громадного края. И вот в марте 30-го года семья наша тронулась в неведомую даль, не зная, куда попадет, но с надеждой на лучшую, а главное, оседлую жизнь».

Г Л А В А II

С этого момента у Николая Николаевича и его родных начался новый этап жизни, а алтайская земля приняла на себя будущего знаменитого писателя, который запечатлеет и оставит для потомков всю красоту и душевность этой щедрой и богом любимой земли.

Николай Николаевич вспоминает: «В Новосибирске отцу предложили на выбор два района: Усть-Пристань и Тогул. Но в Усть-Пристань, говорили, было недавно кулацкое восстание, погибло много советских и партийных работников. Выбрали Тогул. К тому же кто-то сказал, что в Тогуле, прямо в центре села, есть большой яблоневый сад. А раз растут там яблони, то, ясно, место более благоприятное, чем то, где жили мы раньше.

В конце марта сели мы снова в поезд, поехали в Бийск. Возле вокзала отец, на счастье, нашел подводу из Яминска, села, которое тогда входило в Тогульский район, но находилось от него в пятидесяти километрах, а от Бийска — в семидесяти. Мужик долго не соглашался ехать в Тогул, но отец не попустился, пообещал заплатить вдвойне.

— Ладно уж, из-за ребятишек только соглашаюсь, — сказал наконец мужик. — Дорога-то вот-вот рухнет, Чумыш вскрыется. Тогда в Тогул только посуху попадете. А где тут притулитесь?

— Мне первого апреля в райзо надо явиться, на работу... — сказал отец.

— Что ж, доедем. Поклажа-то вся тут?

Легко понять, сколько у нас было багажа, если и этот багаж и все мы разместились на одних санях-розвальнях. Правда, в каждую горку мужик и отец с матерью шли пешком, но по равнине конь тащил розвальни со всеми пассажирами даже рысью. Сильный, видать, был конь.

Поздно вечером приехали в Яминск.

В доме нашего мужика шла гулянка: приехал из соседней деревни какой-то сват (тогда я впервые услышал это слово). Отца с матерью тоже пригласили за стол, но они отказались под предлогом, что измучились за дорогу, надо отдохнуть.

Тогда нам постелили на полу в маленькой комнатке, «бокосушке», как назвала ее хозяйка. Дверей в этой комнатке не было, и мы долго наблюдали, как в соседней просторной горнице шла сибирская гулянка. Лихо встречала свата эта крестьянская семья. От песен звенели стекла в окнах, от плясок дрожали не только половицы, но, кажется, весь дом ходил ходуном. Особую лихость показал нам возчик. Никогда больше не видал я такой стремительности и ловкости, с какой выделывал разные «фортели» этот мужик. Он-то крутился волчком, а потом подпрыгивал чуть не до потолка, взмахнув руками, как птица, а потом упал на пол и, заломив ноги за спину, ухватив их за щиколотки руками, крутился на животе.

Было удивительно и жутко смотреть на эту гулянку. В голову невольно лезли тревожные мысли — куда мы попали? Что с нами будет?

Перед отъездом наслушались всяких страшных историй об убийствах и грабежах на сибирских дорогах и в деревнях. Ведь Сибирь в те годы считали только местом ссылки, где живут одни каторжники.

Еще страшнее стало, когда гулянка наконец прекратилась и хозяйка задула лампу. Потом я много раз замечал, что вообще как-то неприятно ночевать в чужом доме, но тут, когда все погрузилось в полную темноту, сделалось прямо жутко. Мерещилось — гулянка эта была затеяна неспроста, что, одурев от водки, мужики могут запросто убить нас. Разве страшно каторжникам-то? Но все было спокойно. В конце концов уснули и мы, только из кухни доносился чей-то храп.

А утром хозяйка угостила нас горячим, прямо из печи, хлебом. Такой пышный, пахучий да белый, как она назвала, бусовой

хлеб мы все видели впервые. «Да, — подумалось, — здорово живут здесь люди».

О каторжниках начисто забылось. Хозяйка при дневном свете была просто краснощекой, улыбочливой, приветливой молодой, а хозяин — веселым, слегка под хмельком, тоже молодым еще мужиком. Вчера, как оказалось, он всю дорогу боялся за коня, что надорвет его, потому и хмурился, выглядел старше своих лет. Кроме того, конь-то был хоть и свой, да уж и не свой. В селе только-только организовался колхоз, перед поездкой в Бийск мужик подал туда заявление и коня, конечно, должен был поставить на общую конюшню непокалеченным, иначе бы люди решили, что он угробил его нарочно.

Но конь за ночь отдохнул, оказался в полном порядке, и мужик навеселе, с шуточками и прибауточками повез нас дальше.

В Мартыново, до Чумыша, доехали без препятствий. Но Чумыш пришлось преодолевать с большим риском. Весна в том году была совсем не обычной для этих мест. Во второй половине марта установилось такое тепло, что согнало почти весь снег, лед возле берегов растаял и даже, как говорят, тронулся вниз по воде. Но тут в конце марта ударил крепкий мороз, сковал все промоины и забереги, река снова встала. Только еще никто не решился испытать прочность нового и старого льда. Поневоле задумались и отец с матерью: что делать?

Возчик ехать через реку отказался наотрез. Сказал:

— А вы уж как хотите. Можете здесь, в Мартынове, остаться, а нет — на тот берег завтра поутру перейдете. Ночью, надо думать, мороз еще покрепче реку скует.

Однако отец решил рискнуть. Он попросил в ближнем доме жердинку, взял ее под мышку и пошел к тому берегу. А мы сидели в санях и со страхом смотрели на него, хотя отец уверил нас, что с жердинкой, если даже лед и проломится, он все равно не утонет, выберется. Отец перешел на тот берег благополучно, вернулся и перевел мать, потом братишку и сестренку.

Тут возчик, видно, уверившись в прочности льда или в том, что отец не убоится несколько раз перейти через реку, взял лошадей под уздцы и спустился на лед. А я сидел в санях и с замиранием сердца ждал: вдруг лед проломится, конь вместе с санями провалится в полынью? Ведь я не смогу выскочить, значит, буду обречен.

— Ничего, переберемся, лед вроде бы выдюжит, — то ли для собственного успокоения, то ли для меня громко сказал возчик. — Только бы конь не поскользнулся, не упал — тогда хана!

Нечего сказать — утешенье было! Мне сделалось еще страшнее.

Но конь не упал, лед не проломился, и мы перебрались благополучно. И, очевидно, нам крупно повезло. Потому что следом за нами пошла через Чумыш какая-то женщина, поскользнулась, упала близ берега, лед проломился, и течение ее сразу затянуло под него.

Поздним вечером, уже в полной темноте, приехали мы в Тогул. Весной дни уже длинные, может, было бы и не так темно, но всю нижнюю часть Тогула затянуло густым морозным туманом.

Возчик сказал, что незнакомых у них в деревнях ночевать пускают неохотно. Однако он добавил, что раньше останавливался в доме на краю села у одного мартыновского мужика.

— Вроде вот этот дом. Может, опять пустят, — и он пошел стучаться.

Из-за двери спросили, кто и откуда, но пустили. Это оказался дом Хворовых. Хозяин был мужиком немолодым и неразговорчивым, хозяйка же, наоборот, была приветливой, добродушной женщиной. Она тут же поставила самовар, нарезала хлеба и сала, принесла кринку молока.

— Огурцами и капустой утречком уж угощу, больно темно в погреб-то лезть. А сахару нет, извиняйте, да и чай у нас — лист смородишный, — сказала она.

— Спасибо, спасибо, — поблагодарили мать с отцом. — Мы и просто кипяточку с удовольствием поьем. Завтра апрель, а холодно, ребятишки назяблись.

— Не диво. По старому-то еще две недели марту быть. А когда месяц марток, надевай, говорят, трое портков. А бывает, говорят, даже у быка рога от мороза трескаются...

— Сибирь ведь матушка! Она Сибирь и есть, умеет себя показать, — подхватил наш возчик.

Действительно, в тот год зима сибирская себя показала. Морозы и снегопады были весь апрель. Даже 6-го мая разыгрался такой буран, что возле заборов намело высокие сугробы. Но мы ведь приехали не с юга, а из северного края, и такая погода не пугала. А радовало многое. Понравилось село — большое,

расположенное на подъезде в гору на восток от реки Тогул. А там, в двух километрах, другая река — Уксунай.

В райзо отца встретили хорошо, для разъездов по работе выделили лошадь. Правда, отец сам должен был ее содержать. Но это тоже не пугало, наоборот, ободряло: значит, можно будет купить корову, подвезти для нее сено. И квартиру дали по тем временам хорошую — пустой кулацкий дом. Хотя почему мужика раскулачили, непонятно: в доме была всего одна комната да кухня.

А главное, на базаре все было: и мука, и мясо, и масло. Почему-то базары проводились тогда по пятницам, и приезжали на них не только из деревень Тогульского района, а даже из соседних районов. В первую же пятницу отец отправился на базар посмотреть, чем там торгуют, узнать, какие цены. Покупать ничего не собирался, потому что до зарплаты было еще далеко, а подъемные, которые дали на переезд в Сибирь, подошли уже к концу.

Но что это? Видим, отец возвращается с базара с каким-то мужиком, а на санях — мешки, похоже, с мукой. Вот уже заезжают в ограду. Зачем? Разве на базаре встретился какой знакомый, попросил разгрузить воз у нас до следующего базара, чтоб не возить взад-вперед? Так и знакомых у нас здесь нет еще никого в окрестных деревнях.

Отец забежал в дом возбужденный.

— Маша, не удивляйся, купил по случаю целый воз муки!

— А деньги где взял? — все равно удивилась мать.

— Да в долг. Человек приехал издалека, из Лосихи, завоз оказался большой, а покупателей мало, хоть обратно вези. Я сказал, что взял бы весь воз, если подождет деньги до зарплаты. Он и согласился.

— Вовсе удивительно!

— Чего тут удивительного? Поверил человек — и все! — рассмеялся отец. — Собери на стол, надо человека покормить, он сразу же обратно отправляется.

Никогда мы больше не встречали этого мужика из Лосихи. Но когда отец отправил ему деньги почтовым переводом, он прислал в ответ письмо, где писал, что баба его здорово ругала, называла его простофилей, а теперь деньги пришли, и она говорит: пошли тем людям низкий поклон...

— А низкий поклон, по сути, должны были отвесить мы, — говорили отец с матерью, — и не просто за муку, а за открытость души, за доверие к людям...

И впрямь, этот незнакомый, больше никогда не встречавшийся нам мужик помог нашей семье как-то сразу и навсегда избавиться от предубеждения, что Сибирь — это край лихих людей, с которыми надо ухо держать востро. Вскоре наша семья подружилась с соседями, простыми сибирскими крестьянами, точнее, колхозниками, ибо все они были уже в колхозе.

Летом купили корову. А к осени в огороде выросли не только картошка, морковь, репа да чеснок, которые были нам знакомы по Архангельской области, но вовсе диковинные для нас арбузы, дыни, помидоры. Арбузы привозные, правда, мы видели и даже иногда покупали, а вот дынь и помидоров никогда до этого не видали. А тут они выросли у нас в огороде! Это казалось почти чудом.

И оттого, наверное, что отец не знал, какой бывает тут урожай, и оттого, что огород был большой, надо его чем-то засадить, он занял под дыни, арбузы и помидоры такие обширные участки, что съест нам все самим оказалось не под силу. Мать щедро оделяла всех соседских ребятишек, а в сентябре, помнится, соседка, бабушка Устиновна, приезжала к нам за помидорами и огурцами даже с тачкой.

И ягоды всякой в те годы, прямо за селом, было в изобилии. Сходит мать с братишкой и сестренкой на два-три часа — и несет полное ведро клубники. Отец-то предпочитал ходить в сограу за смородиной, а когда ездил в притаежные деревни, привозил в берестяных тусках малину, а то и мешок кедровых орехов. Утки, куропатки, перепела водились тогда по окрестным полям, лугам, сограм и лесам во множестве. А косачи, не раз случалось, залетали даже на кладбище и на окраины села, спокойно общипывали березовые почки. Зайцы осенью совершали набеги на огороды, капусту. Сибиряки на них тогда не охотились, пренебрегали почему-то зайчатиной, да и шкурку не очень ценили. Хватало, наверное, всякой другой дичи.

Отец охотником был не ахти каким. Вернее, специально он не охотничал, но когда ездил по колхозам, прихватывал с собой ружье и нередко попутно привозил то зайца, то косача, однажды убил даже волка.

Все было хорошо — в райземе отца хвалили, через год даже отметили премией Западно-Сибирского крайзема. В доме был полный достаток, братишка Валя бегал в школу, подрастала сестренка. Заботило одно: я не мог ходить в школу, все болел сустав левой ноги, открывалась и не зарастала рана. Местный врач Громаковский сказал, что от этой боли можно избавиться только одним путем: ампутировать и левую ногу по самый тазобедренный сустав. Но я категорически отказался от такой операции, даже не соглашался просто «почистить» кость. Боялся, что в больнице опять обнаружат, что иного выхода нет, и отрежут ногу без спросу. Врач пугал, что может быть заражение крови, но я согласен был скорее умереть, чем остаться без последней ноги. В душе все еще жила надежда, что я когда-нибудь, хоть с костылями, но смогу ходить. Ампутировать левую ногу — значит, остаться без всякой, даже крохотной надежды.

Поскольку не мог я учиться, надо было овладеть каким-нибудь мастерством. Жил тогда в Тогуле старый питерский рабочий Воронин. Приехал он сюда еще в голодном двадцатом году, да так и остался. Степан был мастер на все руки: чинил часы, швейные машинки, паял всякую посуду, был к тому же и художником: на простой мешковине писал собственными красками, приготовленными из разноцветной глины в смеси с олифой и разными травами. И люди охотно покупали его картины, вешали возле кроватей, называя, впрочем, не картинами, а коврами.

Теперь-то я понимаю, как далека была эта живопись от настоящего искусства, что просто она кормила старика. Но тогда, мальчишкой, картины эти казались мне прекрасными, а старик — великим художником.

У отца как-то отпаялся тормозной тросик велосипеда. Припаять его было несложно, но ни паяльника, ни олова, ни кислоты у отца не имелось, он пошёл к старику Воронину, вернулся радостный:

— Воронин согласен обучить нашего Колюшку часовому мастерству! Говорит, все равно скоро помру, пусть ваш мальчишка постигает, что сумеет.

Воронин был, очевидно, серьезно болен. Тело у него все иссохло, как говорят, остались одни кости да кожа. И ходил он уже с трудом, сильно горбясь, постоянно придерживая рукой правый бок. Поэтому отец дважды в неделю привозил его к нам на целый день.

Привезет утром и отвезет вечером. Обедал старик у нас, вернее, сидел со всеми вместе за столом, ибо ничего не ел, пил только молоко, покрякивал и поглаживал бороду-клинышек.

За мою учебу ему тоже платили молоком. Учитель был хороший или ученик смысленный, но воспринималось часовое ремесло легко. Вскоре я научился вытачивать оси балансира (старик сказал, что они чаще всего ломаются), склепывать крохотной заклепочкой или ставить пружину (тогда запасной достать было негде), нарезать зубья на шестеренках и многое другое. Особенно нравилось работать с лупой-присоской на глазу, хотя и без лупы я хорошо видел самые мелкие детали. Но без лупы я чувствовал себя просто мальчишкой, а с лупой — уже заправским мастером.

Весной старик умер. И единственным часовым мастером в Тогуле остался я. Вдова продала нам весь стариковский инструмент и запас деталей, а сама уехала куда-то к родне.

Но часов в те годы было у людей мало. Только-только стали появляться наши «кировские», большие карманные и такие тяжелые наручные, да кое у кого имелись старой дореволюционной марки «Павел Буре». И еще были настенные ходики. Словом, ремонтировал я часы не часто, больше паял старую посуду, правда, делал это без всякой охоты, только по настойчивой просьбе матери, которая говорила, что посуда для людей, может, поважнее часов. Она не забывала, как ходила с ковшиком за водой, когда не было в доме даже худого ведра...

Больше же всего любил я рисовать. Пристрастие это тоже появилось у меня благодаря старику Воронину. Мать купила у кого-то картину-ковер, повесила ее у кровати. Картина эта, написанная на холсте грунтовыми масляными красками, была тускловата, да и нарисовано было на ней какое-то заросшее камышом озеро. За озерком — березовый лесочек и легкие облачка над ним. Больше ничего.

До этого в своей жизни я видел всего лишь одну картину. Известный в Архангельской области художник Борисов жил какое-то время у той же старухи, у которой квартировались родители, когда меня привезли из больницы. Старуха ворчливо говорила, что у художника не нашлось денег и он расплатился за жильё этой картиной.

— За попало — чем попало. Ладно, хоть святое место срисовано.

На картине там сквозь туман то ли ночную мглу проступал Соловецкий монастырь, над ним висело тяжелое небо, а впереди, у моря, громоздились мрачные скалы. Возможно, художник и старался передать тягостные мысли, которые у него были, когда он работал над картиной. Но мне было и без того тяжело, что я остался без ноги, да и на второй я не мог стоять — и я просто не в силах был смотреть на эти Соловки, хотя картина висела как раз напротив моей кровати.

В общем, работа настоящего художника меня тогда отталкивала, а вот полотню-коврик старика Воронина так понравилось, что я сам принялся за рисование. И карандашом, и чернилами, и акварельными красками рисовал все, что видел за окнами. Благо дом стоял на горе, и вид из окон открывался широкий: и гора, поросшая бояркой и молодыми березками, и поле, и крутая сопка вдали...

Мать и отец смотрели на мое рисование как на пустое времяпровождение, но не мешали: чем бы ни тешился... А потом оказалось — пригодилось это мое увлечение.

Однажды отец принес карту полей одного из колхозов.

— Ну-ка вот раскрась, чтобы наглядно было видно, где пашни, где сенокос, где лес, а где — болота и овраги. Все сделай-ка в условных обозначениях.

Получилось, наверно, неплохо. Отец похвалил, потом поручил переснять весь план уже другого колхоза. А на третий раз сказал:

— Райзо берет тебя чертежником. Работать будешь за 30 рублей.

Надо ли говорить, какой это было радостью для меня!

И, как это часто бывает, начнется что-то хорошее в одном, приходит и другое, еще более доброе. Стал я заметно поправляться и однажды пошел с костылями. Ходил пока только в доме да в ограде, но все-таки ходил! И овладела мной тогда мечта — снова пойти в школу! И не просто пойти, а догнать в учебе своих сверстников.

В Тозуле тогда на базе ШКМ* только что открылась школа второй ступени, которая должна была давать среднее образование в объеме девяти классов. Ребята, окончившие семилетку, перешли в восьмой, а я тоже возмечтал вместе с ними сдать за восьмой класс.

Отец и мать не очень верили, что я сумею совершить такой скачок. Они и смысла особого в этом не видели.

— Работай пока чертежником. Да и часовое мастерство у тебя в руках — что еще надо с твоим здоровьем? — говорили они.

Но я стоял на своем. Засел за учебники, буквально с раннего утра и до поздней ночи корпел над ними.

Не знаю, как у меня хватило сил и упорства, а главное — способностей, без всякой-то помощи за одну зиму справиться с программой восьми классов, но как-то справился. В мае я попросил, чтоб перед экзаменами мне разрешили (чтобы лучше освоиться, установить, чего я достиг) посещать школу. Ходил я на костылях с трудом, и чтобы я не оказался в школьной толчее, отец привозил меня на занятия пораньше, а увозил, когда ребята уже разбегались по домам. Первые дни учителя меня не спрашивали, но вскоре, видимо, поняли, что я не очень робею, и стали спрашивать наравне с другими восьмиклассниками.

К слову сказать, слушал учителей я так внимательно, смотрел на них так неотрывно, что Олимпиада Ивановна, учительница немецкого, говорила потом, что сама первое время боялась этого моего неотрывного взгляда.

И обнаружилось, что по некоторым предметам я справился с программой даже на пять. По немецкому языку, на удивление всему классу, словарный запас у меня оказался намного больше, чем у других учеников. И ребята нередко обращались ко мне с просьбой помочь в переводе. А живший недалеко от нас сын начальника почты Витя не раз приходил ко мне за помощью и по химии, и по геометрии. Теперь мне кажется это невероятным, но это было именно так. И дело, конечно, не в том, что я обладал какими-то исключительными способностями, а в том, что если человек захочет, он может достигнуть даже и того, что кажется невероятным.

На экзаменах я получил всего одну тройку — по алгебре, зато же по остальным предметам были четверки и пятерки.

В общем, за одну зиму догнал я своих сверстников и в девятый класс пришел вместе со всеми, окончил его нормально. Но школу опять преобразовали, вместо второй ступени открыли среднюю, с десятилетним сроком обучения. Окончить ее мне не удалось. Осенью я опять заболел — из раны на суставе левой ноги прорезалась кость. Именно прорезалась сквозь тело, острым,

как конец лезвия у ножа, клином. А дальше не пошла, как потом, через несколько лет, оказалось, основание этой кости было широким, надо было делать операцию, а я на нее не соглашался, боялся остаться без ноги.

Решил я и за десятый класс сдать экстерном. И сдал бы, наверное, да помешала этому большая беда.

Отец к тому времени ушел из землеустроителей, стал преподавать в школе географию и черчение, кроме того, заведовал консультпунктом по подготовке учителей начальных школ района (был тогда такой учебный центр, потому что учителей в деревнях не хватало). Заставило отца перейти в учителя здоревье. Однажды случился с ним паралич. Зашел он за каким-то лекарством в аптеку, а когда вышел, неожиданно отнялась левая нога, и отец упал возле крылечка. Правда, нога вскоре отошла, но мать так испугалась, что стала требовать:

— Уходи, уходи теперь из райзо, нельзя теперь ездить тебе на работу. Может снова случиться дорогой такой паралич, кто там поможет?

И отец перешел в учителя. Зарплата стала поменьше, зато отец никуда теперь не ездил.

Однако через год грянула беда страшнее паралича. Это случилось в ночь на седьмое апреля 37-го года.

Мы уже спали, а отец сидел возле керосиновой лампы, готовился к завтрашнему уроку. В дверь постучали. Отец вышел, спросил, кто там.

— Куклин, — ответили за дверью. Это был начальник Тогульского НКВД.

Отец ничуть не испугался. В эту зиму он, кроме школы, преподавал географию сотрудникам районного НКВД, а Куклин говорил, что зайдет на днях разобраться кое в каких вопросах.

Время, правда, было позднее. Но раз свет в доме горел, то не столь уж и удивило, что Куклин постучался.

— Заходите, заходите, — сказал отец приветливо, открывая дверь.

Зашел не один Куклин. За ним шагнул в кухню еще какой-то молодой милиционер.

Моя кровать стояла у стены возле кухонной двери. Я проснулся, но, видя, что отец ничуть не встревожен, тоже не очень поразился визиту милиционеров.

Они прошли к столу, сели вместе с отцом листать учебники и пособия по географии. Потом немного погодя Куклин спрашивает:

— А кто у вас живет в соседях?

Отец сказал: «Савинцев, бухгалтер потребсоюза, и Волынчиков, рабочий леспромхоза».

— Сходи пригласи соседей, — сказал Куклин милиционеру.

— Зачем? — удивился отец.

— Понятыми, — ответил Куклин, — мы должны сделать у вас обыск. Вот ордер прокурора.

И протянул бумажку, отец отмахнулся: «Что он, ордер, если заподозрили что-то, обыскивайте».

Тут вышла из комнаты испуганная мать, заговорила взволнованно:

— Да что у нас искать, ничего у нас нет запретного!

— Нет, и хорошо, — ответил Куклин, — значит, незачем вам и волноваться!

Пришли встревоженные соседи. Куклин и милиционер стали перебирать книги, выдвинули ящики единственной нашей «мебели» — резного буфета, который отец купил у вдовы старика Воронина. Там ничего не было, кроме нескольких алюминиевых вилок с деревянными ручками да ложек с выцарапанными на них надписями «В память о гражданской войне». Эти ложки отлил и выцарапал на них памятные надписи какой-то кустарь, края у них приметно съелись. За стеклянными дверцами стояли еще несколько граненых стаканов да три или четыре старые тарелки.

— Я думал, побогаче у вас посуда, — усмехнулся сосед Савинцев. — В таком буфете не такой посуде надо стоять.

— Не обзавелась пока, — пристыдилась мать. — И буфет-то недавно купили.

— Где и что у вас хранится? — поинтересовался милиционер, видя, что обыскивать у нас нечего.

Отец отогнул клеенку, выдвинул ящик письменного стола.

— Вот здесь еще стопка тетрадей, рисунки сына. А в другом ящике — всякий инструмент — тоже сына.

— А в соседней комнате?

— Там сынишки и дочка спят. Да наша кровать — и все. В углу еще этажерка с книгами.

— Этажерку осмотреть? — спросил милиционер.

— Ребятишки бы не испугались, — сказал отец. Лучшие — я этажерку сюда принесу.

Он принес ее вместе с книгами. Куклин посмотрел книги, взял с верхней полки несколько писем сестры отца. Видно было, что обыску этому он не придавал особого значения. Потом сказал понатым:

— Вы свободны.

Соседи ушли, тогда он посмотрел на меня, спросил:

— А старший все болеет?

— Да, вы же знаете, одну ногу у него давно ампутировали, а на второй ходить не может.

— Да, положение невеселое... — произнес Куклин задумчиво, словно колеблясь, как поступить.

Наконец поднялся со стула, сказал отцу:

— Все-таки придется вам с нами пойти...

— Зачем? — растерянно спросила мать. — Ночь ведь. Куклин ничего не ответил, а отец стал успокаивать мать.

— Но зачем ты волнуешься, если нужно, значит, нужно.

И стал одеваться, делал все вполне спокойно, но как-то не по порядку. Сначала надел шапку, затем пальто, глянул на ноги, а на них — шлепанцы, взял с печки пимы, засунул в них ноги, но тут же стал снимать.

— Может, лучше сапоги надеть? — спросил, глянув на мать, но обращаясь, наверное, к Куклину.

— Там на улице ведь холодно, — сказала мать.

— Ночью морозно, а днем солнце припекает, мокро будет... — сказал Куклин.

— А разве он надолго с вами уходит? — еще больше обеспокоилась мать.

— Обстоятельства покажут, — сухо ответил Куклин.

— Нет, в сапогах он ноги простудит. Пусть тогда наденет пимы с галошами, раз только днем вернется... — и мать принялась шарить под моей кроватью, где была вся наша летняя обувь.

Куклин как-то скупно усмехнулся, а когда отец натянул на пимы галоши, неопределенно сказал:

— И ружье возьмите.

Странно, но ни отец, ни мать не поинтересовались, зачем брать ружье. Мать даже как-то заметно успокоилась, когда

отец повесил себе на плечо ружье. И вышел он последним, и по улице шли — впереди милиционер, за ним — Куклин, а зади всех с ружьем на плече отец. Ночь была светлой, лунной, за окном нашего дома улица просматривалась далеко, и мы с матерью долго смотрели, как уходил от нас отец. Но не знали, что уходил он навсегда...

Мы даже не верили, что отец арестован. Думалось: разве так арестовывают? Но утром пришел милиционер, сказал, что Куклин забыл взять какие-то географические карты, которые он положил на подоконник.

— Да вот они, тут же и лежат.

Этот милиционер был нам хорошо знаком, жил на нашей же улице, и мать спросила запросто, не знает ли он, куда увели отца и когда он вернется. Милиционер явно смутился от такого вопроса, но потом ответил:

— Как тут, Мария Ивановна, сказать, это как следствие покажет.

— Какое следствие? — побелела мать.

— Обыкновенное. Когда арестовывают, то всегда следствие проводят, разбираются, стало быть, в вине, а там уж и решают.

— Господи, да какая может быть вина, в чем тут разбираться?

— Этого я не знаю... — милиционер направился к двери, но на пороге обернулся, сказал утешительно:

— Да шибко не переживайте, Мария Ивановна. Не одного ведь Николая Алексеича арестовали. И военкома, и директора льнозавода, и директора школы, и аж старика Ухова, хоть ему под восемьдесят.

«Утешительная» эта новость была такова, что мать почти без сознания рухнула грудью на стол, заревела, вернее, стала захлебываться в рыданиях...

Брат и сестренка тоже заревели в голос, и я, сам перепуганный, никак не мог их успокоить, без конца повторяя:

— Не надо реветь, не надо!.. Разберутся, ясно, разберутся... ошибка это, отпустят отца скоро.

Опомнилась мать, конечно, не от моих слов. Наверное, она, как всякая мать, и в своем страшном горе помнила прежде всего о детях, спохватилась — не переполошить бы их до падучей. Обняв сестренку с братом, прижав к себе, она принялась уже успокаивать их.

— Ладно, ладно, ребятишки, будет реветь, незачем. Ясно, папа наш не виноват и скоро вернется...

И больше мать уже не ревела. Правда, я не раз замечал, что утром и вечером, уйдя доить корову, она приходила обратно с опухшим от слез лицом, но при нас никогда не плакала, горя своего старалась не выказывать. Брата и сестренку отправляла в школу, ласково наказывала, чтоб они теперь старались учиться еще лучше, не обращали внимания, если кто-то из ребятишек станет дразнить их, укорять отцом.

— Да нет, мама, никто не дразнит, только некоторые сторонятся, — сказал брат. Будто боятся нас непонятно почему.

Он уже был семикласником и пытался уяснить, что и почему происходит. А сестренка училась только во втором. Она еще рассуждала просто — кто хочет, а кто не хочет с ней играть. И поскольку раньше, при отце, такое тоже случалось, ничего обидного для себя в этом не видела.

Но ребята — это ребята. Многие взрослые, хорошо знакомые люди, перестали здороваться. Завидев мать, переходили на другую сторону улицы.

И хотя мать старалась не обращать на это внимание, все равно было горько.

Только соседи не отвернулись от нас. Бабка Устинья, ее дочь Феклуша и Зинаида старались утешить мать, как могли. Случалось, не один раз на день навещали нас. Как пойдут к нам на колодец, так и зайдут.

Вскоре отца увезли в Бийск. Мать попросилась на прием к Куклину, спросила, за что же все-таки арестовали отца.

— Вернется — сам расскажет, да и других предупредит! — ответил Куклин.

Господи, да о чем он может предупредить! — воскликнула мать. — Ведь годы, что мы в Тогуле жили, были самыми лучшими во всей нашей жизни!

Куклин, однако, больше ничего не сказал.

Но село — это село, тут трудно что-либо скрыть. И пошел слух, что на отца «наклепали». Нина Александровна Асенова — что именно она «наклепала», осталось тайной, но повод был известен. Эта Нина Александровна была бабенкой вздорной, страшно капризной. Однажды на каком-то домашнем вечере у одного из учителей, она обиделась на мужа и до того раскапризничалась,

что выбежала на улицу и в одном платье бухнулась в сугроб, объявив, что намерена оконечить тут. На муженька тоже нашло упрямство, он не хотел даже выходить на улицу. Потом не без труда притащили ее в дом, усадили снова за стол. И дернуло же отца за язык сказать так учителю химии:

— Ну, я бы с такой дергушей ни за что жить не стал. И тебе советую: разойдись, пока детей нет да пока она всю жизнь тебе не отравила...

Конечно, отец сказал это сгоряча, вовсе не думая разводиться эту парочку. Но Нина Александровна, говорят, даже позеленела от злости и потом клялась подружкам, что отцу не поздоровится.

И слух подтвердился тем, что из Бийска от отца пришло письмо, в котором он перечислял, кому и сколько давал взаймы. Деньги были небольшие: кому пять, кому десять рублей. Но отец знал, что нам теперь каждая копейка дорога. И тем более удивительным было, что он написал: «Не спрашивайте только у Асеновых, больно подлые они, особенно Нинка». Позднее инспектор района Худолеев, приятель отца, встретив мать на улице, прямо сказал:

— Вызывали нас как свидетелей. Я сказал, что ничего худого о Николае Алексеевиче сказать не могу. Географию преподавал он хорошо, консультпунктом по подготовке учителей заведовал тоже неплохо. Мне сказали: «Идите домой, подумайте, может, еще что скажете». А что тут можно еще сказать? Эта Нинка Асенова может еще что-нибудь приклепать, а я не могу.

А несколько лет спустя сама Асенова покаялась. Умоляла меня простить ее за навет на отца».

ГЛАВА III

Сила человека, как известно, познаётся в беде. Слабый сломается, падёт духом, начнёт пенять на судьбу, обидится на людей, затаит зло, будет мстить. Сильный же — наоборот.

Оставшись в семье старшим мужчиной, Николай Николаевич понял, что теперь благополучие и духовное состояние семьи зависит целиком и полностью от него. Несмотря

на физическую неполноценность. Быть сильным и стойким заставлял и долг перед младшими братом и сестрой, и осознание того, что матери одной ни за что не вытянуть семью.

Николай Николаевич вспоминает: «Ну а в тот тридцать седьмой, когда отца увезли в Бийск, пришел к нам завхоз райисполкома и предложил освободить квартиру.

Дом принадлежит райисполкому, и квартира уже передана его работнику.

Надо было срочно покупать свой дом. Колхозный пастих Полингуев, живший на соседней улице, прямо за нашим огородом, продавал дом. Халупа была старая-престарая, вросшая в землю по самые окна, так накренившаяся в одну сторону, что угрожала рухнуть. Но и на эту гнилушку денег мы кое-как насобирали. Продали и шкаф, и даже все стулья.

Впрочем, и шкаф, и стулья в нашей халупе поставить было и некуда. Была в ней всего одна комната с русской печью. В простенке между окнами помещался стол, в простенок от двери до окна кое-как влезла кровать, на которой спали мать и сестренка. Брат Валентин спал на полу, а я — на печке. У стола стояли две табуретки, оставленные прежним хозяином. Сидя на этой табуретке, можно было достать и окно, и кровать, и печку — таково было помещение. Но были еще маленькие сени и кладовочка.

Только и такому пристанищу мы были рады — свой все-таки домишко. А при нем — огород. Корову мы сохранили, я немало, как говорят, на хлеб, зарабатывал ремонтом часов. Казалось, можно было немного протянуть, пока брат окончит десятилетку, пойдет работать. У матери ведь не было образования, на какую-нибудь канцелярскую работу устроиться она не могла. А о физической и говорить было нечего. После того как случилось несчастье со мной, у нее стало плохо с сердцем. Когда же арестовали отца, сделалось и вовсе худо. Даже в нашей крохотной халупе вымоет пол и сразу задохнется, долго не может потом продышаться.

Положение наше, однако, показалось кому-то слишком благополучным. В первых числах июля инспектор Ледашков принес нам бумагу о налоге: обложили нас налогом как единоличников. Если в семье никто в учреждении или на какой-либо работе не работает, значит, единоличник.

Новость эта, что мы одиночники, страшно ошеломила нас. Да и платить нам такой налог, каким облагали одиночников, было непосильно. Надо было срочно устраиваться в какое-то учреждение, на какую-то работу. А кому и на какую? И вот тут-то выручило нас мое пристрастие к рисованию. Еще в мае я прочитал в газете, что в Москве организуется Всесоюзная художественная выставка, принять участие в которой приглашаются и самодеятельные художники. Неведомо почему я отважился послать туда свою небольшую картину, написанную маслом на листе картона. Масляные краски, тоже по объявлению в газете, незадолго перед этим удалось выписать из Ленинграда, и картина была, в сущности, моей первой пробой писать маслом. Но бывают же чудеса — выставочная комиссия, в которую входили такие выдающиеся художники, как Лансере, Герасимов, Нисский, Соколов-Скаля, Дейнека, пришла к заключению, что в моей картине хорошая композиция, богатая цветовая палитра, колорит и вообще чувствуется любовь к живописи. Но не хватает школы, поэтому надо мне учиться если не в художественном училище, то начать серьезно работать в какой-нибудь художественной студии при Дворце культуры.

Я глазам своим не верил, читая отзыв. Господи, да неужели я и в самом деле наделен талантом художника? Безмерна была радость, но какая от этой радости могла быть мне и нам всем польза? Учиться в художественном училище я не мог. Никакого Дворца культуры и художественной студии при нем у нас в Тогуле не было и в помине. И выходит, не радость за этим отзывом скрывалась, а сплошное огорчение. Что из того, что есть способности, если не суждено их даже попытаться развить?

Но тут брата Валентина осенило:

— У нас ведь теперь тоже не клуб называется, а Дом культуры. Пусть не Дворец, а раз «культуры» — может, тоже студию организуют? Вон Гриша Долгов из нашего класса афиши для кино пишет, так ему даже платят за каждую. Только он не хочет их писать, каждый раз уговаривают.

Последние слова заинтересовали мать. Если Гриша не хочет, а за афиши платят, то, может, Дому культуры нужен постоянный человек на эту работу? Мать взяла отзыв на мою картину, пошла к директору Дома культуры, благо был он наш сосед — И. И. Сергеев.

Тот ничего определенного не сказал, видно, опасался без согласования с начальством брать меня на работу, но отзывом заинтересовался, оставил его у себя, покажет, мол, кое-кому.

А через день пришли с большой холстиной.

— Вот задник нам нужен для сцены, — сказал он. — Нарисовать надо с этой открытки. Если сделаешь, понравится людям, возьмем в штат на должность художника.

Задник был большой, натянуть холст в нашей халупе было негде. И мы с братом натянули его на наружной стороне избушки. Но и то он весь не поместился, половина холста осталась закрученной на полке. Эту половину надо было дописывать потом, когда высохнет первая. Поскольку стоять я не мог, то верхнюю часть писал со стола, поставив на него табуретку. Возился, наверное, недели две, может больше, извел весь запас краски. Ладно, погода стояла хорошая, а пошел бы дождь — все бы испортил. Ведь закрыть задник было нечем, сырой такой не снимешь, краску всю размажешь.

Но как бы то ни было, маленькую открыточку, на которой была изображена извилистая речка и стоящие на пригорке золотистые березы, я увеличил на глаз до размера задника клубной сцены. Сергеев посмотрел, опять ничего не сказал, просто скрутил холст и унес кому-то на показ.

Волнения, даже страха у нас было — невозможно передать словами. Понравится или нет — от этого, казалось, зависела теперь вся жизнь.

К счастью задник мой, видно, понравился. Через два дня Сергеев сказал, что меня принимают художником в Дом культуры. Рисовал я в основном афиши, вывески, плакаты и лозунги к праздникам. Скопировал также с открыток несколько картин Левитана и Васильева. Но чем гордился, так это портретами Николая Островского и Максима Горького. Портрет Островского, который был тогда самым любимым писателем у всей молодежи, а для меня еще служил и примером, как надо противостоять болезни, нарисовал я акварелью с фото в «Пионерской правде». Но на той фотографии, видимо, не очень удачной, выглядел Островский как-то серо, буднично. А у меня получился волевым, сильным человеком с умным, чуть грустным взглядом. Во всяком случае, так мне казалось.

А Горького я написал маслом, но с фотографии. Взял только лицо, остальное все домыслил сам. Моря я никогда и глазом

не видал, но решил написать Горького на берегу моря, на фоне крымских скал, в полный рост, в шляпе и плаще, раздуваемом ветром.

Много лет спустя я увидел портрет Горького работы известного художника П. Корина. И, удивительное дело, этот Горький стоял тоже на фоне моря, почти у таких же скал. Только мой Горький был помоложе, не такой мудрый и всевидящий. У меня стоял он с гордо поднятой головой, смотрел в небо, где клубились гроззовые тучи.

Оба портрета я написал не по заказу, а для себя, просто по душевной потребности. Один повесил в простенке между окон, а другой — в переднем углу, как икону. Только недолго они там пробыли. Кто-то сказал о них Сергееву, он пришел, посмотрел и попросил отдать портреты Дому культуры. И они несколько лет украшали фойе клуба, пока этот клуб не сгорел.

В общем, с «единоличной» жизнью нашей семьи было покончено, поскольку теперь я был штатным художником Дома культуры.

А Валя, парнишка-семиклассник, все лето работал на сенокосе в колхозе на конной сенокосилке и на граблях, чтоб дали там участок, где можно было бы заготавливать сено и для своей коровы. И дрова на зиму заготавливал он же. Прибежит в сентябре из школы, поест наскоро — и в сокру, рубить тальник. Потом вместе с сестренкой вывозят его оттуда на ручной тележке, а я в ограде возле крыльца рублю на коротенькие «палешки», складываю в поленницу.

Как бы то ни было, на зиму все-таки запаслись топливом и радовались уже тому, что изба у нас маленькая, немного надо дров, чтобы обогреть ее.

Осенью зашел к нам знакомый отца — Алешин. Сказал, что был в Бийске и на вокзальной площади увидел среди группы людей, которых сопровождал к вагону конвой, нашего отца. Отец тоже увидел Алешина, поднял вверх обе руки с растопыренными пальцами. Что это значило? Наверное, отец хотел объяснить, что ему дали десять лет, просил передать это семье.

Больше от отца не было никаких вестей. Лишь в пятьдесят третьем году, когда отца реабилитировали, нам сообщили, что умер он в августе 45-го, не дотянув до конца срока всего полтора года. Но мать об этом не узнала, она умерла в 52-м году.

Конечно, нелегко нам жилось. Но брат и сестренка продолжали учиться, а я мог гордиться, что содержу семью. Я, на которого ни мать, ни отец, надо прямо сказать, никак не могли надеяться.

А через два года произошло событие, которое повлияло потом на всю мою жизнь. Учитель литературы Н. П. Цысь предложил ученикам девятого класса написать сочинение на свободную тему. И Валя, мой брат, описал, как фельдшер Опенкин, живший год назад у нас в соседях, ездил за сеном для своей коровы и что с ним приключилось.

Рассказ получился забавный, Валя надеялся получить хорошую оценку. Но учитель, зачитав в классе, кто и какие оценки заработал, почему-то не упомянул брата.

Валя поднял руку, спросил:

— Никита Петрович, разве мое сочинение вы не проверили? Ничего ведь не сказали.

Тогда учитель внимательно посмотрел на Валентина и объяснил:

— О твоём сочинении я хотел умолчать, думал сначала поговорить с тобой наедине. Но раз ты спросил, то отвечаю: рассказ хороший, вполне заслуживает пятерки. Но только в том случае, если ты сам написал его.

Валя растерялся.

— А кто же ещё мог написать его?

— Вот я и думаю — кто же? Не пойму, ранний Чехов это или Зоценко... Ты не у них списал?

Валя вспыхнул:

— Да что вы, Никит Петрович! Сам я писал, о нашем фельдшере Опенкине...

— И он может подтвердить, что случай этот с ним действительно произошёл?

— Так он год назад как из Тогула...

— Выходит, подтвердить некому...

За Валю заступился Петя Круглов:

— Валя писал, со мной даже об отдельных местах советовался...

— А может, это для отвода глаз! — выкрикнул кто-то.

Что тут поднялось в классе! Одни уверяли, что Валя чужое списывать не будет, другие кричали, что надо Валентина вывести на чистую воду, чтоб не позорил класс. Учитель не без труда

унял ребят, поручив им прочитать в библиотеке Чехова и Зоценко, посмотреть, не списан ли рассказ.

Весь класс, наверное, целую неделю не вылезал из районной библиотеки, но ни у Чехова, ни у Зоценко ничего похожего не нашлось.

Тогда учитель, спросив у Вали разрешения, послал рассказ в Москву, в журнал «Дружные ребята». А там этот рассказ под названием «Обокрали» взяли да и опубликовали. Да не просто опубликовали, а вместе с добрым послесловием известного детского писателя Б. Шатилова.

Нашего Валю напечатали в столичном журнале! — стоит ли говорить, что это для нас значило! Словно блокада, наконец, прорвалась вокруг нас. Те люди, которые раньше перестали с нами здороваться, теперь подходили с улыбкой, поздравляя мать. А взбудораженный класс чуть ли не в полном составе принялся писать стихи и рассказы.

А писем сколько приходило Валентину от ребят со всех концов Советского Союза! Особенно после того, как «Дружные ребята» опубликовали и второй рассказ Валентина «Спасите». Это уже было в десятом классе.

Кстати, с гонораром произошла забавная история. Ни о каких деньгах ни Валя, никто в нашей семье даже и не подумал. Мы просто не знали, что за рассказы платят. Когда же пришел перевод, решено было на эти деньги купить Вале первый, и к слову сказать последний, в его жизни костюм. Валя в своем хлопчатобумажном пиджачке и штанах «чертовой кожи» припустил в раймаг и с помощью продавцов выбрал там для себя серый шерстяной костюм. Чинно вышагивая по улице, явился домой совсем неузнаваемый — высокий, стройный, красивый. Не мальчишка уже, а взрослый, прямо жених женихом.

Вскоре из редакции «Дружных ребят» пришло письмо. Писатель В. Елагин хвалил Валю за рассказы, но просил не зазнаваться, а серьезно отнестись к своему таланту, работать по настоящему. И предупреждал, чтобы не было потом крушения иллюзий: «Знай, нелегко заработать кусок хлеба литературным трудом». Словам этим никто в нашей семье не придал значения. Лишь много позднее стал понятен их глубинный смысл. Да и как можно было задумываться над ними, если в ушах музыкой звучало необыкновенное слово «гонорар»! И это был для Вали в жизни заработок, на который он купил целый костюм!

В заключение же В. Елагин сообщал, что редакция нарочно попридержала деньги за первый рассказ, чтоб суммировать их с гонораром за второй, и просил Валя, чтоб он на эти деньги приехал в Москву, «Дружные ребята» хотят познакомиться с ним поближе.

— Ну надо же было переводу прийти вперед письма! — горестно воскликнул Валя. — Подумать только — в столице бы мог побывать, если б не поторопился с этим костюмом!

— А в чем бы ты поехал? Без костюма — да еще в столицу! — резонно заметила мать.

— И верно ведь! Выходит, так и так в столице пока побывать не суждено!

В юности всякие огорчения ненадолго овладевают человеком. Через несколько минут Валя, посмеиваясь, уже писал ответ в редакцию, что приехать пока не сможет, потому что деньги в тот же день, как получил их, издержал на первый в своей жизни костюм. От радости подпрыгнул до потолка и, не раздумывая, кинулся в магазин. Правда, добавлял он, подпрыгнуть до потолка было ему не столь уж и трудно. От пола до потолка в избе всего два метра, а у него рост 195 сантиметров! И в редакцию он сможет приехать теперь не раньше как в другие школьные каникулы. Окончив десятилетку, он поедет работать учителем в какую-нибудь деревню. Учителей в районе не хватает, районо охотно берет и с десятилеткой, особенно парней. Вот тогда, подкупив денег из зарплаты, он и приедет в «Дружные ребята».

После окончания десятилетки районо действительно взял Валя учителем. И даже не в начальную школу, а преподавателем русского языка и литературы в семилетку.

— Коли рассказы пишешь, и в столичном журнале их печатают, то, надеюсь, справишься, — полушутя, полусерьезно сказал зав. районо Попов. — Но ставлю условие. Должен заочно учиться в педагогическом институте.

— Так это ж моя мечта! — ответил Валя.

На выбор дали два села — Новоцушино и Загадново. Одно — в тридцати километрах на север от Тогула, другое — в сорока на восток.

Новоцушино было, конечно, поближе, дорога туда получше, идти почти ровной степью. А Загадново окружено тайгой, дорога туда — с холма в лог, из лога — на холм. Но возле районо

Валя встретил свою бывшую одноклассницу Валентину Филкову. Окончив восемь классов и учительские курсы, она уже два года проработала учительницей начальных классов, учась заочно в педтехникуме. И теперь ее тоже перевели преподавателем в семилетку.

Увидев Валентину, Валя спросил, куда ее послали.

— В Загадново, — ответила она.

— Тогда попрошусь в Загадново! — без раздумий решил Валя, тотчас же побежал обратно в районо.

И вот смотрим мы, подкатывает к нашей избе телега. Лошадью правит Валя, а рядом с ним сидит незнакомая нам светловолосая девушка с цветной шалью на плечах. Когда Валя привязал на улице к столбу возле калитки лошадь, а девушку пригласил в дом, сестренка поспешила распахнуть перед ними калитку.

Валя Филкова была из соседнего села Уксуная, до этого я ее ни разу не видел и потому, наверное, уставился на нее во все глаза: уж больно диковинные, прямо сказочные у нее были косы! Когда она села на табуретку возле стола, дивные эти косы коснулись пола. Ни до, ни после, никогда в жизни ни у одной девушки не видел я таких роскошных кос!

Мать и сестра тоже смотрели на эти косы с восхищением. Но поразила нас Валентина не только косами.

Валя наш убежал попрощаться со своим закадычным дружкой Петей Кругловым, и мать, чтоб занять чем-то гостью, попросила ее почитать вслух и подала ей «Вечера на хуторе близ Диканьки» — любимую книжку брата.

И оттого ли, что до той поры не доводилось нам слушать хороших чтецов, по другой ли какой причине, но чтение Валентины, просто сам ее голос звучали так, что душу охватило восторгом.

Возвратившись от Пети, брат подхватил за железную скобу деревянный ящичек (чемодана у нас в доме не было), вынес и поставил его на телегу рядом с таким же, только зеленым, ящиком молоденькой учительницы. Потом мать покормила Валентина и Валентину на дорогу, собрала в узелок булку хлеба, несколько кусков соленого сала и сказала не без грусти:

— Ну что ж, в добрый путь.

Валя, наверное, понимал тревогу матери — как не переживать за сына, если один едет в чужую деревню, неизвестно, у кого

там будет жить, как питаться, как пойдет у него учительская работа — ведь еще мальчишка, по сути! Но именно оттого, что сегодня он начинал вполне самостоятельную жизнь, а может, и оттого, что повезло попасть в школу, где будет работать с ним бывшая соклассница, а вернее, и оттого, и от другого, он весь сиял. Едва девушка села в телегу, Валя по-мальчишечьи озорно гикнул на коня, тот рванул, Валя метров сто бежал рядом, потом лихо подпрыгнул, заскочив на ходу в телегу, что-то сказал девушке и громко засмеялся. Она тоже засмеялась.

Через неделю в полночь раздался осторожный стук в окно, и сразу за ним прозвучал голос Вали:

— Мама, не пугайся, это я,пусти...

Но мать все равно переполошилась, заохала:

— Господи, уже ночь глухая, неужели пешком пришел?..

Так и оказалось. Школа занималась в две смены, да еще после уроков пришлось задержаться — бежал на край села к старику Боброву, школьному конюху, чтоб взять коня. Но коня не нашли — спутанный конь скакал прямо за оградой на луговине у речки, а тут ребятишки-озорники распутали, конь и убежал невесть куда.

— В общем, уже стемнело, когда вышел, — беззаботно сказал Валя. — Поневоле пришлось всю дорогу брести чуть не на ощупь. Темень страшная, в пяти шагах ничего не видать...

— Да какая неволя-то? Вовсе не обязательно было идти! Шуточка — сорок километров!

— Как необязательно? Пока погода хорошая, картошку надо выкопать. Без меня когда вы управитесь, а вместе за день завтра выпластаем...

— А обратно опять ночью побежишь? — спросила мать.

— В понедельник у меня уроки только во второй смене. Утром встану пораньше, добежу, успею.

В воскресенье картошку в огороде Валя выкопал и стаскал всю в погреб. Сестра и мать едва успевали подбирать да накладывать ее в мешки.

А вечером за ужином неожиданно предложил:

— Мама, а не лучше ли вам переехать на зиму в Загадново? Скучно мне там одному.

— Я и сама об этом сегодня думала. Да где там жить? Как корову прокормить? — сказала мать.

— Квартину дают. Отдельный дом из двух больших комнат. Дом высокий, под сенками корову можно держать, я уж осмотрел все... И о сене договоримся, продают там одни, в город уезжают.

Мать тихонько рассмеялась.

— Вижу, ты уже все предусмотрел! Что ж, можно и переждать, но только на одну зиму. Ведь на будущий год Инне в восьмой, а средней школы в Загаднове нет.

— Конечно, только на зиму, — обрадовался Валя. — Летом я на сессию в институт поеду, а потом, может, и в Тогул переvedут или в село поближе.

Осложнение возникло со мной. Работы для меня в Загаднове не было. И остаться один на зиму я тоже не мог. Думали мы, думали, но ничего придумать не могли. Оставили вопрос открытым до следующего воскресенья.

А на следующее воскресенье Валя приехал с каким-то незнакомым молодым мужиком. Назвался он Берляновым, сказал, что работает в леспромхозе, а семья живет в Загаднове. И если мы поедем туда, то не согласны ли на зиму пустить в нашу избу? К весне леспромхоз обещал ему квартиру.

Предложение было удобным. Даже картошку не потребовалось перевозить: взяли в Загаднове у Берляновых, а им отдали нашу. Утром в понедельник привязал Валя нашу корову к телеге, уложил кое-какие пожитки, усадил мать и сестру, и уехали они в Загадново.

А я остался зимовать в своей избе вместе с Берляновым. У них было двое детей: девочка лет трех и мальчик лет шести, но работать они мне не мешали. Наоборот, помогли: то краски подадут, то материал на раму помогут натянуть. Мальчишка за пайком моим бегал — давали тогда на карточку служащего 400 граммов хлеба, но мне хватало. А Берляновых ОРС снабжал лучше, и рыбу горбушу, даже иногда кету, разные крупы выдавали, чего мы давно уже не видали. Люди они были не жадные, и меня всем этим подкармливали. Конечно, и я каждую пятницу давал хозяйке денег на мясо, и она покупала его больше, чем требовалось на неделю на одного человека.

Короче, зиму пережить можно было. Но без своих одолевала тоска. В нашей семье все были сильно привязаны друг к другу, особенно я и Валентин. И хотя Валентин жил теперь в Загаднове не один, он все равно скучал обо мне и каждое воскресенье врался

в Тогул. Мать, естественно, тоже тревожилась, как я живу в чужой семье, но боялась Валентина субботами отпускать в дальнюю дорогу.

Выход продиктовала болезнь. После октябрьских праздников отчего-то воспалилось предплечье правой руки. Руку просто поднять было трудно, а работать кистью было совсем невозможно. Позвали врача, она сказала, что остеомиелит, которым поражен был у меня сустав ноги, способен с током крови переноситься в другие места. И на руке, видимо, началось воспаление надкостницы, процесс этот длительный, и если работать художником я не могу, то следует оформить пенсию.

Это меня удивило. Тогда я считал, что пенсию могут получать только старые, долгим трудом заслужившие ее люди. Я это сказал врачу.

— Сколько лет вы работаете художником? — спросила она.

Я ответил. И добавил, что еще до этого работал чертежником.

— Тогда по вашему возрасту стажу вполне хватит. Приезжайте завтра на врачебно-трудовую комиссию.

Перевели меня на год на пенсию, теперь и мне можно было уехать в Загадново. Помнится, заехал за мной директор Загадновской семилетки Сергей Григорьевич Метель — так он важно представился. И половину дороги он явно старался не уронить случайно свое директорское достоинство и потому не затевал со мной никакого разговора. Да это было, если разобраться, и неудивительно. Сергей был не старше, а, пожалуй, моложе меня, в директорах ходил первый год и страшно боялся подорвать свой авторитет.

Зима в том году сразу установилась морозная, снежная. Стоял лишь конец ноября. Дорога на Загадново была перехвачена сугробами, через которые лошадь пробивалась с трудом. Ехал, словом, тихо, а одёжонка на мне была не шибко теплая — одна стеганая фуфайка, и закоченел я изрядно. А поскольку Метель не желал поддерживать разговор, отвлечься было нечем, и мороз, казалось, прохватывал все сильнее. Но в конце пути Сергею надоело играть в молчанку. Спросил меня, читал ли я «Пышку» Мопассана.

Я ответил, что читал и «Пышка» мне очень понравилась.

— Чем понравилась? — насторожился Метель.

Я сказал, что Пышка нравится мне своим подлинным, а не показным патриотизмом. И хотя она уличная женщина, а духовно щедрее, намного выше и чище тех «высокоморальных» дам, которые выведены в рассказе Мопассана.

Сергей неожиданно взъелся:

— А я считаю, Мопассану вообще незачем было писать этот рассказ. Проститутка всегда проститутка, и нечего ее облагораживать. Не все ли равно, с кем ей было спать — с французом или немцем...

Я тоже завелся, стал отстаивать свое мнение, подтверждая его деталями из рассказа. И всю остальную дорогу мы спорили до хрипоты, даже о морозе забыли. Теперь это кажется смешным.

Дом, в который нас поселили, стоял совсем на отшибе, у самой тайги. До села было, пожалуй, около километра, и никакой туда дороги, только тропка, по которой Валя и сестренка ходили в школу. Эту школу и всю центральную часть села — сельсовет, магазин, почту, клуб — было видно от нас как на ладони. Потому что дом наш стоял на горе, а центр села — на другой, а внизу, между этими горами, была луговина и речка.

Зимой, конечно, ни этой речки, ни зеленой луговины различить было нельзя, все покрывал поразительной белизны снег, кого не увидит не только в городе, но и больших селах.

В ясную погоду стоило только Валентину или Инне выйти из школы, и мы с матерью могли наблюдать, как они идут тропинкой до нашего крыльца.

Зато в буран ходить приходилось не без риска — ничего не стоило потерять эту тропинку, забрести в тайгу и сгинуть там.

В декабре мы с матерью как-то увидели: по тропинке от школы спускается наш Валентин, а за ним идет какая-то девушка. Вернее, Валентин не шел, а брел по снежной целине, утопая в снегу чуть не по пояс. С утра был сильный снегопад и тропинку, особенно внизу, у речки, так занесло, что различить ее было невозможно, приходилось отыскивать ее наугад, а чаще просто прокладывать новую.

Девушку мы сначала не узнали, но когда они подошли поближе, увидели — это Валентина Филкова. Оказалось, она тоже поступила в институт на заочное отделение. И теперь пришла переписать у нашего Вали программу.

Было уже сумеречно, зажгли керосиновую лампу — семилитровую, как тогда ее называли. Второй лампы, да и стола, у нас не было, поэтому, поужинав, Валя Филкова и наш Валентин устроились у этой лампы за одним столом. Наш Валя стал проверять ребячьи тетради, Валя Филкова переписывала институтскую программу. Изредка они негромко переговаривались.

Мать ушла за перегородку в кухню и при свете коптилки, которую я смастерил для экономии керосина, что-то варила там с сестренкою.

Я сидел в сторонке у окна и молча любовался косами Валентины.

Когда девушка окончила переписывать и наш Валя пошел ее провожать, мать вышла из кухни, остановилась у окна, где сидел я, и стала смотреть на бредущих по тропинке, вернее, по борозде в снегу. Сумерки уже совсем сгустились, перешли в ночь, но на белом снегу две темные фигуры все же видны были долго...

Хорошая девушка, серьезная, — сказала мать. Потом со вздохом добавила: — Кто знает, может, это судьба...

Конечно, она подумала о том, что не зря, наверное, Валя попросился в Загадново, встретив в районе Валентину Филкову, и не зря привел ее сегодня...

Но ни матери, ни мне и в голову тогда не могло прийти, что это моя судьба, моя будущая жена».

ГЛАВА IV

Стать писателем у Николая Николаевича и в мыслях не было, как говорил он сам позже. И многие считают, что дело всей жизни открывается им случайно. Но это далеко не так. Просто приходит срок, и в человеке пробуждается то, что заложено природой. Настаёт час, когда ему предстоит вершить дело, которое предназначено Свыше, но он об этом не знал. Так произошло и с Николаем Николаевичем.

Он вспоминает: «Делать мне в Загаднове было нечего, и я, подражая Валентину, взялся писать рассказы на основе всяких забавных случаев, которых, живя в селе, всегда знаешь немало.

Чтоб не сравнивали меня с Валентином, два лучших своих рассказа послал не в «Дружные ребята», а в другой детский журнал — «Костер».

Ответ пришел неутешительный. Редакция нашла, что рассказы не удались, раздражительны, описания природы — под Тургенева. Но были отмечены и их достоинства — живые диалоги. Я приуныл. А Валя и говорит:

— Раз тебе диалоги удаются, попробуй, Николай, написать пьесу. Ведь в пьесе — одни диалоги.

Что значит молодость! Понятия не имея о сцене, ни разу в жизни не побывав в театре, я отважился взяться за пьесу. Пьеса была о любви, о чувстве, которого я тоже еще не испытал, о честном и бесчестном отношении к делу, а действие развивалось на колхозном току.

Написав эту пьесу, я не знал, куда же ее послать. И тут в газете попалась мне статья о театре имени Ленинского комсомола.

Не зная адреса театра, я на самодельном конверте, сделанном из желтой оберточной бумаги и склеенном картошкой, написал просто: «Москва, театру Ленинского комсомола».

Весной пришел ответ... Заведующий литературной частью театра Девурин писал, что пьеса произвела приятное впечатление. Особенно хороши сценки, в которых показаны народные обряды и обычаи. Читатель (зритель) верит всему, о чем говорят и чем живут герои. Но пьеса коротка, это только половина пьесы. Поэтому меня просят подумать и развернуть в полную пьесу. И написать о себе, кто я, писал ли пьесы раньше.

Меня захлестнула радость. Сердце колотилось, в голове звенело: «Неужели и правда мою пьесу, мои литературные способности так высоко оценили!».

И еще думалось дерзко: «Художником настоящим мне, конечно, не быть — в художественное училище поехать не суждено. А научиться писать пьесы и рассказы и я могу. Ведь книги писателей — это и есть учебник мастерства! Тут все на виду, если есть способности, то можно и самостоятельно во всем разобраться...».

Валя мои дерзкие мысли поддержал, хотя я и не высказал их вслух.

— Теперь литература будет твоим главным делом! — объявил он уверенно. — Я тоже буду писать, но для меня главное

дело — все-таки учительская работа. И пединститут надо окончить...

Весной Берляновы получили письмо от родни откуда-то из Азербайджана. Родные звали их туда, хвастались, что один сад приносит не одну тысячу дохода, да и на трудодни там выдают много. И поскольку с Загаднова Берляновы уже сорвались, а в Тогуле еще не прижились, им было нетрудно опять сняться с места. Чтоб изба не пустовала, мать с сестрой срочно вернулись в Тогул. Валя из-за экзаменов в школе (сестренка их решила сдать досрочно) вынужден был задержаться до июня. Я тоже остался с ним, так как одному Вале оставаться в доме на краю леса не хотелось, а искать другой на две-три недели смысла не было. Да и еду готовить, хоть суп сварить или картошку изжарить, ему было совсем некогда. Я сварю, а он прибежит в обед, поест наскоро — и опять в школу до самого позднего вечера. Вечером поужинаем вместе, а утром он пожует чего-нибудь на ходу и летит опять в школу.

В молодости одиночество особенно тяготит. Я целые дни находился один в пустом доме, в километре от села. Кажется, тут-то бы и писать, дополнять пьесу. Но ничего не выходило, не знал я, чем и как ее дополнить. Попытался написать рассказ о случае, который произошел с Валентином в зимние школьные каникулы. Случай был забавный и почти невероятный.

Тогда поздним морозным вечером постучался к нам молоденький учитель из соседней таежной деревеньки. На развилке он запутался в дорогах, выбрал более накатанную, а она вела на приречные луга, где ставили сено. Возвращаться назад не хотелось, и он решил спрямить путь, выбрался на гриву, где снег был неглубок, и по этой гриве пошел на солнечный закат. Думал, выйдет на Загадново или на Коптелку. Брел долго, и хотя на гриве снег был неглубок, порядком вымотался, стал уже отчаиваться, когда увидел слева огонек. Это светилось окно какого-то дома. Учитель, конечно, воспрянул духом, сразу отправился к этому спасительному огоньку напрямик.

Но был он не столь уж близко, как ему показалось. А главное, дом стоял на соседнем холме, нужно было перебраться через лог. А в логу снегу намело до плеча, и учитель совсем выбился из сил, пока добрался до нашего крыльца.

Когда Валя открыл ему дверь и он, еле держась, ступил через порог, то мать с сестренкой даже ахнули от испуга: у дверей, навалившись на косяк, стоял не человек, а какая-то снежная баба.

— Еле-еле выбрался, спасибо, лампу не потушили, а то бы пропал, — тяжело дыша, произнесла эта «баба».

Валентин помог учителю раздеться, снял и помог отряхнуть с пимов ошметки снега.

— Ничего, сейчас чайку мама согреет, оживешь совсем.

Но воды на самовар не хватило. Валя взял ведро и побежал к проруби на речку, что текла по луговине. Вернулся, стал наливаться воду в самовар, и тут из ведра, будто в сказке, выметнулась... щука, стала биться, трепыхаться, подскакивать на полу.

Все мы замерли в изумлении, а сестренка даже завизжала от испуга.

Наконец Валя опомнился, сказал:

— Ну вот, и уху для гостя можно сварить!

Тут все засмеялись, а когда мать унесла щуку в кухню, стала варить уху, и Валя, и я, и учитель принялись строить догадки, как же щука угодила в ведро. И пришли к выводу: когда Валя погрузил его в прорубь, какая-то часть ведра сверкнула в лунном свете вроде жерлицы, щука рванулась, ударилась о ведро, и, оглушенная, замерла на дне.

Я почувствовал, как ведро дернулось в руке, что-то стукнуло об него. Но подумал — о камень на дне зацепил, речка-то ведь мелкая.

Все это я описал в рассказе. Однако, обсудив его с Валей, мы пришли к выводу, что рассказ не получится, не хватает в нем чего-то весьма серьезного, а чего — понять никак не могли. Лишь намного позднее стало понятно, что рассказа и не могло получиться. Любопытного факта для рассказа было мало. Нужна была еще какая-то смысловая нагрузка, то, ради чего он написан, а этого-то и не оказалось.

Но, пожалуй, то, что мы сами додумались до причины, было поважнее того, если бы рассказ как-то сам собой, автоматически получился, а еще хуже, понравился бы нам как вещь безукоризненная.

Принялся бы я писать вслепую, и потом, когда стал бы получать редакционные отказы, трудно было бы справиться с обидой на эти редакции. Больно ущемлено было бы самолюбие.

А когда заранее готов выслушать, где ты промахнулся, обида не возникает, а если и возникает, так ненадолго.

Но это я уже забежал вперед.

В июне мы с Валею вернулись в Тогул.

Помню, в середине месяца собрались у нас на крыльчке почти все загадновские молодые учителя и учительницы. Валентина Филкова получила путевку в дом отдыха «Алтай» на озере Ая, Раиса Маркова и Нюся уезжали на лето к родителям в Бийск. А наши Валентин и Сергей Метель должны были отправиться на сессию в учительский институт. Сергею надо было уладить еще какие-то школьные дела в районе, и они с Валентином теперь просто провожали девушек.

— Через два-три дня будем и мы в Бийске! Ждите. Смотрите, если найдете себе там кавалеров, пощады не будет, — полушутя, полусерьезно предупреждал Сергей девушек. А сам поглядывал на Раису. Все уже знали, что он неравнодушен к ней.

Проводив девушек, вечером Сергей с Валентином пошли в сад. Там на летней сцене артисты Бийского драмтеатра ставили пьесу Островского. Артисты в те годы приезжали в село нечасто, и, конечно, чуть не весь Тогул устремился в сад.

Но Валя и Сергей неожиданно вернулись. «Представитель военкомата объявил в саду, что парни 22-го года рождения и те, у кого была отсрочка, призываются в армию, — сказали они. — Завтра уже велено явиться в военкомат».

Ясно, было уже не до пьесы. Сергей тут же, в ночь, отправился в Загадново, а Валя принялся стаскивать в ограду плахи от будки сплавщиков. Эту старую разобранную будку оставил нам в качестве оплаты за квартиру Берлянов. Привез он ее еще зимой, оставил на улице возле нашей ограды. Думали мы этим тесом отремонтировать крышу на нашей избе. Но теперь Валею призывали в армию. Дело откладывалось, вероятно, надолго, а оставлять плахи на улице было все же рискованно — могли найти охотники растащить.

Вот Валентин и взялся, не глядя на ночь, за работу и стренку мобилизовал, и я, как мог, помогал складывать этот тес в ограде.

18-го июня Валентина, Сергея и других тогульских парней отправили в Бийск.

А 22-го июня грянула война... И поехали из Тозула уже не только парни-призывники, а и мужики. Сначала отправляли на формировку в военные лагеря, а потом и на фронт. Однако в первый месяц, хотя и передавали недобрые вести об отходе наших войск, воспринималось это как-то не очень серьезно. Все думали и говорили о том, что главные наши войска еще не подошли к фронту, а как подойдут, мокренько от гитлеровцев останется.

Только в июле, после известного обращения Сталина к советскому народу, стало ясно, что борьба предстоит жестокая и победу будет добыть непросто.

Война стала чувствоваться и в глубоком тылу. То в одной, то другой семье ревели бабы и ребятишки, получив похоронку. Осенью начали прибывать эвакуированные из прибалтийских республик, из-под Киева и Харькова. Рассказывали о немцах, о бомбежках эшелонов с беженцами, горевали о тех, кто погиб. Особенно страшно было слушать, как гибли дети.

Потом, уже зимой, прибыли две артиллерийские школы из Ленинграда. Рассказывали о голоде в Ленинграде, трудно было даже в такое поверить.

На нашу долю, конечно, таких ужасов не выпало. Но трудностей тоже хватало. Особенно досталось в первый военный год с сеном. Участок для сенокоса нам долго не давали. Отнекивались, что в Доме культуры, где я работал до ухода на пенсию, сами не знают, где придется косить, а вместе с учителями районо не выделял: дескать, Валентин работал в Загадновской семилетке, там пускай выделяют. Это за сорок-то километров! Но мне все же удалось добиться, выделили сенокос недалеко от Тозула, в логу по Верхнетогульской дороге.

Соседские женщины помогли его выкосить. И прямо из копен мать с сестренкой долго возили его на корове. Хорошо еще, что Валентин приучил нашу Маню ходить запряженной. С дровами тоже не знали, как выйти из положения. Сестра одна боялась ездить в согзу за тальником, да и топором не владела. Ведь раньше рубил Валентин, а она только прутья вытаскивала да помогала тащить тележку.

Выручило мое часовое мастерство, умение чинить швейные машинки. Отремонтирую, а денег за работу не беру, прошу привезти сколько можно дров. И мужики, которых еще не взяли

в армию, да и женщины, которые умели владеть топором, взяв в колхозе лошадь, привозили когда воз тальника, а когда, случалось, и осинника — благо он рос рядом, прямо за селом.

Зиму протопились, а следующим летом истоптали навоз, что накопился от коровы, наделали кизяков. Дров потребовалось уже меньше.

Огород у нас был небольшой — тринадцать соток. И раз он не удобрялся — навоз шел на кизяки — урожаем картошки был велик. Часть сдавали государству, часть надо было оставить на семена (потом уже на семена стали срезать верхушки и глазки). На еду оставалось немного.

Питались же в основном картошкой, поэтому заранее рассчитывали, сколько нужно расходовать ее ежедневно. Хорошо, семья была невелика, да к тому же все взрослые, некому было канючить, когда вечером выходили из-за стола полуголодные.

Хуже было с хлебом. Его выдавали чаще всего овсяной мукой, в которой было больше шелухи, чем муки. Иногда выручал карлык — татарская гречишка. Тогда поля почему-то сильно засорены были этой гречишкой. Помнится, принес мне за отремонтированные часы второй секретарь райкома Кузнецов небольшой мешочек:

— Это мука из карлыка. Хлеб, конечно, печется не ахти, но есть можно.

Хлеб получился действительно неплохой, совершенно необычного зеленого цвета. Но есть было можно, главное, он давал ощущение сытости. А когда мать смешивала этот карлык с овсянкой и тертой картошкой, хлеб и вовсе получался сносный. Теперь бы, несомненно, никто есть его не стал, но тогда и этому были рады.

Не знаю, чем объяснить, но именно в эти полуголодные военные годы ко мне все увереннее стало возвращаться здоровье. Может, помогало то, что спал я по необходимости и зимой и летом на русской печи, как говорят, прогривал кости. А может, повлияло другое — чувствовал я себя не беспомощным человеком, а опорой семьи. Моральное состояние — великое дело.

В те годы в селе жила еще во многих домах народная сказка. И не только старухи и старики по вечерам рассказывали самые невероятные истории, а охочи до них были люди помоложе. О ребятах — и говорить нечего.

Не помню уж, как пришла мне в голову мысль записывать эти сказки. Скорее всего, подтолкнула к этому «бабушка Арина», как тогда называли артистку Татьяну Сергеевну Борисову, которая читала сказки по новосибирскому радио.

В общем, записал я одну сказку да и отправил ее по адресу: «Новосибирск, радио, бабушке Арине». Сказка Борисовой понравилась, и она прочитала ее по радио, сообщив, кто и откуда ее прислал. Пришло и письмо, в котором артистка просила прислать новые сказки. Конечно, я не отказался, послал и вторую, и третью сказку. Прочитали по радио и их.

Заслуга моя, разумеется, была тут невелика. И в передачах прямо говорилось, что это не мое, а народное творчество. Тем не менее люди после каждой передачи говорили мне, что слушали мою сказку, хвалили и, случалось, сами приходили, чтобы рассказать какую-нибудь небылицу.

Но русский человек хитер. Сообразили, что я, наверное, извлекаю какую-то пользу из этих сказок, а раз так, то не грех и самим попользоваться.

Бабка-соседка пришла однажды с дырявой кастрюлей.

— Сынок, запаяй мне кастрюльку, а пока работаешь, я тебе сказку расскажу...

Я рассмеялся, запаял бабке кастрюлю, а она и в самом деле рассказала новую сказку, которую вскоре передали по радио, да еще сказали, от кого я эту сказку записал.

Новость эта мигом разлетелась не только по Тоголуу, но и по ближайшим деревням. Ко мне то и дело стали приходиться и приезжать то с кастрюлькой, то с чугуном — запаять их за сказку. Так я сделался, как потом писала Борисова, главным поставщиком фольклора для новосибирского радио.

Правда, сам я долго не знал, кто она такая, «бабушка Арина». Наконец осмелился, спросил ее об этом. Она прислала мне свою фотографию с дарственной надписью-загадкой: «Мой первый слог — дремучий лес, второй — лесная птица, а в целом я — курносая девица». Зовут — Татьяна Михайловна. Разгадать было нетрудно: Борисова Татьяна Михайловна. От Борисовой узнали, что я собираю фольклор, в Новосибирской филармонии. Пришла просьба и оттуда — записывать и присылать частушки. Стал собирать частушки. Их позже не раз исполняли по радио. Потом неожиданно пришло письмо от писателя Глеба Михайлови-

ча Пушкирева. Он писал, что читал сказки, которые присылаю я Борисовой, и заметил, что я довольно свободно владею языком, часто по-своему излагаю эти сказки. И посоветовал попробовать себя в коротких рассказах, послать их ему для литературных передач по радио.

Тогда мне почему-то казалось: короткий рассказ — это обязательно юмористический рассказ. А перед этим в нашей тогульской парикмахерской, куда я зашел постричься, произошла забавная сценка.

Не помню уже кто, но зашел в парикмахерскую побриться кто-то из работающего начальства. А у парикмахера бритва иступилась донельзя, сколько он ни правил ее на ремне, ничего не помогало. Испугавшись, что эта бритва придется не по вкусу клиенту (а отказать тоже не мог), парикмахер и говорит:

— Я этой бритвой клиентов только за рубль брею (теперь 10 коп.), — клиент недоуменно поднял брови. — Потому что туповата, а другую точить отдал.

— Что ж, какая есть. Брейте, не ждите же, когда наточат.

Парикмахер заткнул за ворот клиента салфетку, намылил, начал осторожно брить, то и дело спрашивая:

— Не беспокоит? Не беспокоит?..

Начальник морщился, но терпел, отвечал кратко:

— Брейте!

И тут под крышей одноэтажного приземистого домика, в одной из комнат которого находилась парикмахерская, а в другой — фотография, очевидно, встретились два кота. Все знают, какие звуки издают коты при встрече — будто с них шкуру сдирают.

Но парикмахер подумал, что так дико вскрикнул его клиент. С перепугу у него задергалось веко, затряслись руки. Тут уже испугался и клиент. Покосившись на вздрагивающую руку с бритвой, он сказал строго:

— Да перестаньте вы трястись, брейте спокойно.

Парикмахер попытался взять себя в руки, с великой осторожностью поднес бритву к щеке клиента. Но тут коты снова взвыли, парикмахер весь дернулся и порезал клиента.

— Черт бы вас побрал! Ведь зарежет совсем!

Прижав салфетку к порезу, начальник сердито поднялся и недобрый, в мыле вышел из парикмахерской.

Бедного парикмахера назавтра же освободили от работы. Но, видимо, дабы люди не истолковали это как месть, назначили заведовать... клубом.

Пушкареву рассказ в целом понравился. Он внес в него кое-какие изменения и перепечатанный на машинке вернул мне. Вот, мол, если я не возражаю, то в таком виде можно передать по радио. Но добавил — темы все же надо брать посерьезнее. Юмор — это хорошо, да не обернулось бы это просто зубоскальством.

Предупреждение, конечно, было серьезным. Только я тогда не очень-то обратил на него внимание. Шутка ли, мой собственный рассказ обещали передать по радио!

К тому же я впервые увидел свою вещь напечатанной, пусть и на машинке. Все равно от этого рассказ выглядел совсем иначе, куда внушительнее, чем написанный от руки, да еще на тетрадных обложках. С бумагой тогда было трудно, а этих обложек скопилось у нас тогда большая стопка. Когда отец работал заведующим консультпунктом по подготовке учителей, он выдавал для разных упражнений не целые тетради, а отдельные листы. Собственно, этот рассказ и был началом моего собственного творчества, с которым познакомились читатели, вернее, радиослушатели.

И оттого ли, что на меня теперь люди стали смотреть как на человека, причастного к литературе (да и брат ведь печатался), потому ли, что в редакции районной газеты не хватало сотрудников, но однажды попросили меня написать фельетон. Только просили своей фамилией не подписываться, а взять псевдоним. Думаю, потому, что отца в районе хорошо знали, а у меня и имя было такое же, вот и остерегались — не перепутали бы.

У меня и у самого не было желания подписываться под фельетоном собственной фамилией. Взял псевдоним — Вичкин. Под этим псевдонимом написал и опубликовал в районке несколько фельетонов. А летом сорок второго года газеты стали уже поручать писать мне о передовиках сельского хозяйства, стали для этого посылать по району. Тут уже псевдоним не годился, под своей фамилией писал я о трактористах, комбайнерах, ударниках-сноповязальщицах, даже агрономах и председателях колхозов. Правда, зимой ездить по району я не мог, но каждое лето всю войну ездил, писал очерки и статьи. В шутку меня так и звали — летним корреспондентом.

А зимой мучился над рассказами. Пьеса моя так и осталась незавершенной, театр Ленинского комсомола куда-то эвакуировался, связь с ним оборвалась, да пьесы меня и не увлекали. Каким-то, видно, чутьем понял, что этот вид творчества для меня не подходит. А рассказы не давались, не складывались, но все равно я писал и писал их. И по-прежнему записывал сказки для радио.

Не помню точно, летом сорок третьего или четвертого произошел такой случай. Ездил я всегда, как говорили, на попутках с каким-нибудь начальством. И в этот раз поехал с замполитом Старотогульской МТС Изотовой. Съездили благополучно, но когда переехали реку Уксунай, конь отказался идти. И не то что заупрямился, а был он такой тощий, слабый, так выбился из сил, что не мог нас везти. Что было делать? Слезла Изотова с ходка, потянула коня под уздцы. Все равно и меня не везет. И хотя ходил я на костылях, пришлось и мне слезть с ходка. Тогда только потянул конь пустой ходок.

Чтоб не позориться, не шествовать таким образом по улицам села, отправились мы стороной, полевой дорогой, что вела от мельницы к кладбищу. Так и ехали. Изотова идет впереди, тянет за собой коня, а я на костылях бреду сзади. Лишь у кладбища, когда дорога по Ярмарочной улице пошла под уклон, оба, измученные, сели, и конь повез нас к нашей избе.

Но как бы там ни было, появился в селе у меня какой-то авторитет.

И когда весной сорок третьего узнал я, что местному промкомбинату грозит простой, задержался сплав, так как не было леса для мастерской, то воспользовался этим, попросил выновить нашу избу. Директор промкомбината послал плотников, сам, правда, это не решился сделать, согласовал с райисполкомом.

Плотники были, наверное, не моложе нашей избы, один к тому же хромой, но, видно, работа показалась им посильной. Осмотрев нашу избу, разобранную будку сплавщиков и с десяток бревен, которые были у нас припасены на ремонт, они, однако, решили прощсе. Не выновлять избу, а перебрать заново. Сказали: невелика постройка, за неделю-полторы можно управиться.

Мы перебрались в сарай, где жила зимой корова, а плотники тут же принялись снимать крышу, раскатывать стены. Только и раскатывать их не пришлось, стены были такие ветхие, что сами развалились.

— Вот, леший, и здоровую ногу чуть не отдавило! — выругался хромой плотник. И тут же добавил: — Чудо прямо, как в такой избе вы жили, это же каждый день грозило смертоубийством!

За неделю плотники не управились. Но через две на месте покосившейся, вросшей в землю нашей халупы стояла такая же маленькая, но выновленная, вроде даже веселая и гордая своим бравым видом изба. А мы смотрели на нее и глазам своим не верили: надо же, в войну, в такие трудные годы, и избу нам перестроили!

Не кому-нибудь, а именно нам! И если раньше мать, хотя я стал главной опорой семьи, смотрела на мои «писания» скорее как на баловство, даже не раз ворчала, что только время зря трачу на это, лучше бы часы ремонтировал и кастрюли, то теперь сказала уважительно:

— Надо бы Валентину написать, что ты становишься авторитетным человеком.

Валя воевал в войсках Ленинградского фронта. После освобождения Тихвина боев там больших, по его письмам, не было, и тревожился он больше о нас, как мы живем. Не очень верил нашим сообщениям, что живем мы не хуже других. Известие о том, что нам перестроили избу, должно было убедить его, что так оно и есть на самом деле.

Валю эта весть больше чем убедила... Он прислал бодрое, даже радостное письмо-треугольник, в котором писал, что я — настоящая опора семьи, мастер на все руки, но верил и в другое — и литературные успехи придут. А после войны, если суждено ему выжить, будем мы писать вместе. И не только рассказы, а и крупные произведения, ведь столько всего довелось повидать, испытать! Есть о чем писать, рассказать людям.

Не суждено было сбыться этим мечтам: в апреле 44-го Валя погиб. Уцелел во время прорыва блокады Ленинграда, а был убит немецким снайпером, когда полз на нейтральную полосу, чтоб вернуть нашего раненого разведчика, возвращавшегося от немцев. Это рассказал нам позже, уже летом, вернувшийся по ранению его однополчанин, житель Тогольского района.

Но раньше, в мае, пришло извещение, в котором матери сообщили, что сын ее, Валентин Чебаевский, героически погиб в боях с немецко-фашистскими захватчиками.

Прочитав «похоронку», мать потеряла сознание. И не приходила в себя трое суток, хотя врач делал ей разные уколы. Врач

был из эвакуированных, молодой, красивый, до удивления похожий на Иисуса Христа. И мы с сестренкой, наверное, смотрели на него как на Бога, который способен воскресить человека из мертвых. Может, поэтому, или был он вообще хороший человек, но врач приходил к нам несколько раз в день, делал, видать, все, что мог.

И на четвертые сутки мать очнулась.

Зашла попроведать нас соседка, остановилась у порога и потом спрашивает меня, как, мол, что говорит врач. А мать открыла глаза и говорит:

— Проходи, Клава, садись.

Клава от такой неожиданности чуть не упала, ладно, схватилась за косяк.

— Мама, ты жива? — воскликнул я.

— Конечно, жива, вздремнула вот только немножко... — ответила мать спокойно. Потом, видно, вспомнив об извещении, заплакала:

— А Вали-то нет, погиб...

Летом назначили матери пенсию за Валу, и хотя материнская боль не могла исчезнуть, но все же мать заметно успокоилась: пенсия гарантирует, что жизнь ее в какой-то мере обеспечена.

— Заработал Валя пенсию для меня, спасибо ему вечное, — говорила она.

Все-таки на меня, видно, мать не очень надеялась. Да это и понятно было — все же я часто болел и зарабатывал немного. Правда, сестра окончила среднюю школу и осенью этого года пошла работать учительницей биологии в семилетку, которая была на нашей же Ярмарочной улице. Но девушка — это ведь девушка. Выйдет замуж, появится своя семья. Короче, куда спокойнее, если есть своя пенсия.

— Да, Валя погиб, мало что успев сделать в жизни. Но сколько полегло на фронте других парней и мужиков только с одной нашей улицы! Буквально в каждом доме были захоронки — погиб то сын, то отец, то муж... Горе было общим, и оттого переносилось словно бы легче. Но все-таки, хотя до окончания войны оставался почти целый год, общее настроение в сорок четвертом, да уже и в сорок третьем, после Сталинграда и Курской дуги, заметно изменилось.

В каждом доме жила боль или тревога за своих близких, но не было уже тревоги за судьбу страны. Все понимали, что фашистская Германия будет разбита, все ждали этого дня, верили, что он уже недалек.

Стали уезжать в родные, освобожденные Советской Армией города и села эвакуированные. А кое-кто и прижился, решил навсегда остаться в Тогуле.

В общем, как это и бывает в жизни, горе и радость обитали рядом, но светлого теперь становилось все-таки больше».

Г Л А В А V

Давно известно, что к человеку обязательно приходит то, чего он ждёт и желает всей душой, искренне. Люди недоумевают: вот, мол, жил как рак-отшельник, никуда не выходил, ни с кем дружбу особо не водил, сам себе на уме. И вдруг обрушилось на него счастье — за что? Он, вроде бы, не просил, ничего сверхъестественного не совершил, а ему счастья полные карманы.

Что-то подобное произошло и с Николаем Николаевичем. Но не будем забегать вперёд, а почитаем, что он сам говорил о своём счастье: «А летом сорок четвертого произошло в моей жизни событие, тепла и света от которого хватит до конца моих дней.

Пригласил меня как-то заведующий отделом пропаганды и агитации Тогульского райкома А. А. Паришук. Не помню уж, о чем у нас с ним тогда был разговор, но Паришук и сам пробовал писать рассказы, может быть, об этом и говорили. В нижнем этаже райкома, вернее, в полуподвале, была партийная библиотека, но пользовались ею не только члены партии, а и все, кому нужны были материалы для лекций и докладов.

Зачем-то и мне понадобилось зайти в эту библиотеку. Вела туда из коридора узенькая неосвещенная лесенка. Когда я подошел к ней, чтоб спуститься, снизу стремительно поднялась мне навстречу какая-то девушка и с разбегу чуть не сбила. Но сама же и схватила меня за плечи, не дала упасть.

Это была Валентина Филкова. Узнав друг друга, мы посмеялись над такой неожиданной встречей, поговорили о разных пустяках, о каких обычно говорят при случайных встречах. Да, встреча была случайной, но случилось что-то такое, что неведомо как сближает людей, вызывает интерес друг к другу.

Через неделю я снова встретил Валентину уже на крыльце районо. Точнее, было это не крыльцо, а нечто вроде открытой веранды, на перилах которой, как на скамейках, сидели учителя, ожидающие приема у заведующего или инспекторов.

Ходил я к директору средней школы выяснить, когда учителя будут ставить сено. Сроки косьбы уже уходили, трава становилась жесткой, но в те годы учителям и колхозникам косить для своего скота разрешалось, когда уже заготовлены корма для общественного стада и для лошадей в учреждениях.

Одноэтажный дом, в котором помещался районо, стоял во дворе средней школы. Дорожка к калитке была общей, и, проходя мимо веранды, я увидел на ней Валентину и Антонину Федотову, учительницу из соседнего Яминского района.

Услышал, что Федотова уговаривает Валентину «поменяться» с ней школами. Валентина до этого работала в своем родном Уксунае, а теперь районо переводил ее на золотые приiski, в село Покровку, что лежало в тайге, в сорока километрах от Тогула. Валентине, наверное, не очень хотелось туда ехать — далеко от родного Уксуная и от Тогула. А до Мартынова было поближе — тридцать километров, хотя административно оно и входило в другой район. К тому же и дорога хорошая, степная, как говорят, без ложка, без горки. И Валентина колебалась, высказывала опасение, что заведующий на это не согласится.

— Ты соглашайся, а с заведующим я договорюсь сама! — наседала Федотова. Не знаю почему, но меня словно подтолкнуло что-то и заставило вмешаться в эти переговоры.

— Слушай, Валя, да какой тебе смысл меняться? — сказал я, остановившись у веранды. — На Покровке ведь золотые приiski, там снабжение особое. И учителям в том числе... Да и от Уксуная до пришков поближе, чем от Мартынова. А главное — там чужой район, откуда не всегда вырвешься домой. А с Покровки вызовут по любому делу в районо, по пути всегда к отцу с матерью заглянешь...

Федотова рассердилась, круто повернулась и побежала к калитке. А Валентина пошла в районо, чтоб дать свое согласие

на Покровку. Я сел на ступеньку крыльца-веранды, недоумевая, отчего так осерчала Федотова. А разозлилась она потому, что я разлучил ее с другом-фельдшером Ваней Гридневым, который работал на приисках.

Немного погодя Валентина вышла из района и сказала:

— Посылают в Покровку директором школы.

По выражению ее лица можно было догадаться, что она не ожидала этого и была слегка ошеломлена. Думала, что пошлют ее на приiski просто преподавательницей русского языка и литературы. Но этим летом Валентина окончила Бийский учительский институт, а преподавателей с институтом в те военные годы было раз-два и обчелся. Институт окончила в сорок четвертом только одна Валентина. Разве мог район проглядеть это?

Я, конечно, от души поздравил Валентину.

— Вот, а ты чуть Федотовой Покровку не уступила!

Валентина рассмеялась:

— Получается, другие большие радуются, чем я!

Это было, наверное, действительно так, я почему-то обрадовался и впрямь больше Валентины. Нет, не тому, что назначили ее директором школы, а тому, что она остается в Тогульском районе. Но директором еще лучше: чаще будет бывать по делам школы в районе, значит, чаще можно будет видеться с ней. Вот о чем подумалось, хотя я в душе боялся поверить в такую возможность.

На учительской конференции мы встретились вновь. Нет, не встретились, а виделись все три дня, в которые проходила конференция. Наверное, не только мне с Валентиной, но и ей интересно было поговорить со мной, что-то привлекало нас друг в друге.

Потом, зимой уже, коллектив Покровской школы приехал на смотр художественной самодеятельности. Валентина в пьесе Карпенко-Карого «Бесталанная» играла славную, но обделенную судьбой девушку...

Сыграла хорошо, многих даже растрогала до слез. По предложению Паршукова я должен был высказать мнение об игре самодеятельных артистов. Помню, замечаний к каждой роли у меня было немало. Члены жюри нашли их справедливыми. Об игре Валентины я ничего не сказал, кроме одного слова: «Прекрасно!».

— Вот это анализ! — засмеялись все.

Но засмеялись необходимо, видно, поняли, что я и в самом деле ничего больше не могу сказать.

Но я забежал немного вперед. Жюри оценило игру учителей и прищиповых старателей назавтра. А в тот вечер, выйдя из клуба, я долго стоял на морозе, поджидал, когда выйдет Валентина. Зрители уже все разошлись. Артисты же, пока передевались, пока убрали декорации и обменивались мнениями о своей игре, порядком задержались. Наконец выбежала из клуба и Валентина. Увидела меня, спросила:

— Ну как мы сыграли?

— Отлично, — сказал я, — просто превосходно!

— Ой, правда? — и Валентина на радостях обняла меня.

И хотя всякий бы поделился радостью по поводу удачной игры, мне почудилось, что Валентина обрадовалась тому, что я дождался ее на трескучем морозе. Необыкновенное воодушевление охватило меня. Если назавтра перед членами жюри я ничего не мог сказать об ее игре, то теперь ей самой наговорил, наверное, кучу восторженных несуразностей, так перехлестывал в оценках, что она поминутно смеялась. Хватило у нее, конечно, ума понять, откуда нахлынула на меня такая восторженность. И что-то, похоже, задело ее сердце...

Расстались мы среди ночи, и хотя дыхание перехватывало от стужи, нес я домой необыкновенное тепло в душе...

Затем началась у нас переписка. Я однажды, придя домой, увидел: сидит Валентина возле стола и... зашивает мою рубашу, которую зацепил я крючком двери накануне и разорвал от полы до рукава.

— Я начала зашивать, но Валя попросила разрешить ей... — сказала мать, заметив, что я удивлен.

А я был не просто удивлен. Я был потрясен. Кому-нибудь, наверное, показалась бы эта сценка самой что ни на есть обыденной: подумаешь, девушка зашивает рубашу, может, из вежливости попросив ее у матери! Но я воспринял это иначе. Вдруг сердцем поверил: значит, небезразличен Валентине. Великая благодарность и нежность заполнили душу... И эта благодарность за то, что Валентина увидела во мне что-то достойное любви, и эта нежность к ней осталась в душе уже навсегда. Первого мая сорок пятого года мы поженились. А рядом был и День Победы, который с ликованием и слезами встречала вся страна, и наш Тогул, и наша семья тоже».

ГЛАВА VI

Известно, что любовь способна творить чудеса. Особенно, когда она в душе — единоличная правительница — и человек верит в хорошее, доброе, светлое, ищет его вокруг себя и создаёт сам.

Женитьба для Николая Николаевича была, можно сказать, вторым рождением. Знакомые, товарищи, друзья и все, кто знал его — любили, уважали, без сомнения. Но инвалидность всё-таки была той невидимой гранью, которая билась где-то в подсознании Николая Николаевича, отделяла его от всех физически здоровых и рождала, опять же на уровне подсознания, чувство неполноценной жизни. И вот у него семья. Он глава семьи, хозяин в доме. Кормилец. Невидимая грань в подсознании стерта. Он рад, счастлив. Энергии и силы, казалось, достанет не только любить весь мир, но и творить для него добро ежечасно, ежеминутно. И Николай Николаевич ни минуты не сидит без дела. А дел у него всегда было много и дома по хозяйству, и по общественной линии.

Рождение первой дочери Наташи 23 июня 1946 года подняло Николая Николаевича на новую ступень семейного счастья и творческого вдохновения.

Мария Ивановна, пожалуй, была рада за сына много больше, чем он сам за себя. И в то же время в душе была горчинка от того, что она никогда не сможет понянчить внуков младшего сына Валентина. Боль от его потери останется у неё в душе до конца дней.

Литературные замыслы, подпитываемые семейным счастьем, зароились, стали переполнять душу и требовать выхода. И Николай Николаевич погрузился в творческий процесс. Писал, перечёркивал, выбрасывал и снова писал. Помня неудачи с первыми рассказами и прекрасно понимая, что, «варясь в собственном соку», он будет долго топтаться на месте, возобновил связь с Глебом Пушкарёвым. Маститый писатель с радостью откликнулся на обращение начинающего и стал помогать ему.

В это же время в Барнауле создаётся Алтайское краевое литературное объединение, руководит которым инструктор

крайкома КПСС Мария Иосифовна (фамилию, к сожалению, установить не удалось), а заместитель у неё поэт Иван Фролов⁴. Узнав о существовании объединения, Николай Николаевич сразу завязывает с его членами переписку, а затем и личные контакты.

В 1947 году в Барнауле на базе типографии «Алтайская правда» начали издавать альманах «Алтай». Николай Николаевич в конце 1947 года отправил в альманах свои первые рассказы, а его земляк-поэт Александр Махов свои стихи. Какие и о чем рассказы может написать счастливый человек? Только о счастье! Один из трёх опубликованных рассказов так и назывался «Счастье»: о художнике-фронтовике Петре Саманове, потерявшем во время войны свою семью: жену и дочку с сыном. Но после войны совершенно случайно он узнал, что при налёте вражеских самолётов погибли его жена и сын, а оставшуюся в живых дочку удочерила уезжающая в эвакуацию женщина, и вот теперь соседская белокурая девочка Шура, которую он по-отечески полюбил, оказывается его дочкой. Так художник Саманов вновь обрёл семейное счастье. Другие два рассказа: «На вокзале» и «Васькино озеро» — также о доброте и со счастливым концом. Рассказы «На вокзале» и «Счастье» были отмечены критиком А. Карцевым на страницах журнала «Сибирские огни» № 6 за 1948 год. Нужно сказать, что на страницах столь солидного журнала тогда говорили только о незаурядных произведениях.

В этот же период жизни зарождается творческая дружба Николая Николаевича с литераторами Алтая: Иваном Фроловым, Николаем Дворцовым, Марком Юдалевичем, Михаилом Длуговским, Алексеем Сотниковым, Александром Баздыревым и многими другими.

Вдохновлённый публикацией рассказов в альманахе «Алтай», Николай Николаевич пишет новые. И уже в следующем 1949 году в сборнике «Край родной» печатается его рассказ «Садоводы», главными героями которого стали Макар Лукич и юный садовник Федька.

В этом же году книжным издательством выпускается сборник «Племя молодое», в котором опубликованы три

---

⁴ ГААК Ф. Р-485, оп. 1, д. 5

рассказа Николая Николаевича: «Мальчишки», «Дочери паромщика» и «Однажды в апреле». К слову сказать, рассказы «Мальчишки» и «Дочери паромщика» впоследствии войдут в первую книгу автора под названием «Полный вперёд!» и во вторую «Маленькие рассказы».

Знаменателен 1949 год для семьи Николая Николаевича и тем, что 28 сентября родилась вторая дочь — Елена. Масса приятных и радостных хлопот не только для родителей, но и для бабушки, мамы Николая Николаевича — Марии Ивановны.

В каждой семье непременно ждут рождения сына — продолжателя рода, фамилии. Наверняка ждали его и в семье Чебаевских, но небеса распорядились иначе. Не довелось бабушке нянчить внука Чебаевского...

В этом же году обрела свою любовь и семейное счастье младшая сестра Инна. Её избранником стал учитель биологии Юрий Петрович Струков. На следующий год у них родился сын Владислав. Для Марии Ивановны радость большая — внук! Хотя и не будет он продолжать фамилию Чебаевских, но все-таки родная кровь. Младшую сестру Николай Николаевич очень любил и всегда старался ей помогать в меру своих возможностей. Тёплые и близкие отношения между ними сохранились на всю жизнь.

Забегая вперёд, скажем, что дочери Николая Николаевича и Валентины Васильевны унаследовали от родителей любовь к литературе. После окончания средней школы Наталья Николаевна поступила в Барнаульский педагогический институт на филологический факультет. Аспирантуру окончила в Смоленском государственном педагогическом институте, а диссертацию защищала в Московском государственном педагогическом институте им. Н. К. Крупской. Елена Николаевна (младшая дочь) после окончания школы поступила в Барнаульский педагогический институт на факультет иностранных языков. Аспирантуру Елена Николаевна заканчивала в Санкт-Петербургском педагогическом институте им. А. Герцена, где защитила кандидатскую диссертацию и осталась работать преподавателем. К слову сказать, по стопам родителей пошли и их дети — стали филологами.

Если смотреть на жизнь Николая Николаевича до создания семьи, то можно сказать, что в общественной жизни он участвовал по возможности и расплылся на множество дел. Став же семейным человеком, отцом двух детей и автором публикаций в журнале и сборнике, он в корне изменил взгляд на общественную деятельность. Теперь он всё свободное время посвящал только литературе: работе над собственными произведениями и работе в литературном объединении села. А литературное объединение в Тогуле тех лет было крепким. Как мы уже говорили, вместе с Николаем Николаевичем начал печатать свои произведения тогульский поэт Александр Махов, а чуть позже Иван Атаманов, который впоследствии окончил Томский государственный педагогический университет, факультет русского языка и литературы. Заседания литературного объединения проводились ежемесячно. Нередко собирались в доме Николая Николаевича. Произведения разбирались скрупулёзно, горячо. Но последнее и решающее слово, как-то так сложилось, всегда оставалось за Чебаевским. Его вдумчивость, рассудительность, искренность, душевность и доброжелательность притягивали и вселяли веру.

Испытав свой дар в малой прозе, Николай Николаевич берётся за создание повести «Юные хозяева». Над ней он работает около двух лет. Первым его слушателем и рецензентом становится супруга Валентина Васильевна. Вычитывали каждую главу, обсуждали каждое действие, каждый характер. И вот повесть закончена, и автор высылает её в Алтайское книжное издательство и в Новосибирск — Глебу Пушкарёву. Решения, естественно, и сам Николай Николаевич, и Валентина Васильевна ждали с трепетом. Известно, что хуже нет ничего, чем ждать и догонять. Для ждущего день равен месяцу. Наконец, ответ пришёл. Повесть одобрили и включили в план Алтайского книжного издательства, но редактор В. Ярошилова попросила добавить к повести несколько рассказов, чтоб сделать книгу полноценного объёма. Писатель подготовил и отправил ряд рассказов, часть из которых ранее были опубликованы в альманахе «Алтай» и в сборнике «Край родной».

О душевных качествах Николая Николаевича можно говорить много, но мы приведём один пример, взятый из документов Государственного архива Алтайского края, который показывает, как Чебаевский мог радоваться за друзей и признавать их достижения. В 1951 году в газете «Сталинская смена» была опубликована новая небольшая повесть Николая Дворцова. А так как избыток прессы в те годы не было, то «Сталинскую смену» выписывали многие, а семья учителя так обязательно. Прочитав повесть Дворцова, Чебаевский пишет ему письмо, объёмное, на нескольких тетрадных листах. Вот строчка из этого письма: *«Сознаюсь честно: хоть я и верил в Дворцова, а всё же такого мастерства не ожидал. Снимаю перед ним шляпу»*⁵.

А теперь скажем о проблемах писателей того времени (начало 1951 года). Жил Чебаевский в селе, и приобрести там машинописную бумагу практически было невозможно. Писателю её присылали или привозили из Барнаула, где, к слову, она тоже не доставалась легко. Лимит был на бумагу для печатных машин такой же, как и на сами машинки, которые, кстати, ставились на учёт в определённых органах, да и на приобретение оной требовалось разрешение. И вот у Николая Николаевича кончилась бумага, а ему срочно нужно высылать в Новосибирское издательство рукопись, и пишет он в Алтайское литературное объединение Ивану Фролову и Марии Иосифовне письмо с просьбой срочно выслать ему бумаги, а то, мол, *«...неудобно отправлять в издательство рукопись с правками и помарками...»*⁶.

Повесть «Юные хозяева» понравилась Г. Пушкарёву, и он предложил автору опубликовать её в ежегодном сборнике «Золотые искорки» Новосибирского книжного издательства, но только с учётом замечаний редакционной коллегии. Николай Николаевич засел за доработку текста и осенью отправил в Новосибирск новый вариант. «Юные хозяева» стала ключевым произведением второго номера сборника «Золотые искорки» за 1953 год. Это было признанием

⁵ ГААК Ф. Р1368, оп. 2, д. 114

⁶ ГААК Ф. Р485, оп. 1, д. 5

литературного таланта автора. Печататься под одной обложкой с К. Лисовским, И. Ветлугиным, Е. Стюарт, В. Пухначёвым, А. Смердовым и другими именитыми авторами начинающему писателю почётно.

Самым давним и верным другом Николая Чебаевского был Николай Дворцов. Теперь, наверное, уже никто и не сможет вспомнить, когда и на какой почве у них началась дружба. Да это и неважно. Дружили писатели семьями. Часто ездили друг к другу в гости. Делились, как водится, и радостью, и горестью. И, соответственно, были первыми рецензентами новых произведений товарища.

В то время письма были единственным средством связи и благодаря им мы сможем полней показать взаимоотношения двух писателей.

Письмо Н. Чебаевского Н. Дворцову от 01.02.1951 г. (жил Чебаевский в тот год на ул. Ярморочной №1). Приводить текст письма не будем, достаточно сказать, что Николай Николаевич жалуется на разболевшуюся руку, что вымотала болезнь очень — практически нет сил работать, что 7 месяцев болел. Ещё передаёт литературные новости Тогула: Иван Атаманов разгромил в рецензии повесть Ю. Трифонова «Студенты» и готовит отзыв на книгу И. Фролова «Моя Кулунда». Это, конечно, была не сногшибательная новость — Юрий Трифонов ещё только вступал в литературу, и «громить» его произведения как начинающего было делом обыденным.

В этом же письме Чебаевский вспоминает о А. Сотникове и шлёт ему привет, благодарит за помощь при первых литературных шагах.

В письме от 26 апреля 1951 года Н. Чебаевский хорошо отзывается о повести Павлова.

А в письме от 29 июня 1951 года уведомляет друга, что написал и отправил в газету «Комсомольская правда» рецензию на его повесть «Наше счастье». Но, к сожалению, рецензия не была опубликована⁷.

В 1952 году Николай Николаевич понёс ещё одну невосполнимую утрату: 8 мая из жизни ушла мама. Самый близ-

---

⁷ КГКУ ГААК Ф. Р1368 оп.2, д. 139

кий, самый родной на земле человек. Николай Николаевич и любил маму, и жалел так, как, наверное, не любил и не жалел никого. Прожила она всего 57 лет. И за эту короткую жизнь на её долю выпало слишком много страданий. За что, за какие грехи ей было послано остаться без мужа с тремя детьми на руках и мыкаться впроголодь по чужим углам с тяжким клеймом семьи врага народа?! А вскоре на фронте погиб младший сын. Да, в стране не было практически ни одной семьи, из которой бы во время войны смерть не выдернула человека. Но Валентин был единственным по здоровью, на кого Мария Ивановна надеялась и от кого ждала помощи в жизни Инны и Николая. А как она тяжело перенесла весть о гибели сына, мы знаем из дневниковых записей Николая Николаевича.

В конце 1952 года выходит из печати первая книга автора с названием «Полный вперёд!». Обложка — полноцветная, иллюстрации, тираж 30 тысяч экземпляров и объём 10 ¼ усл.печатных листов. Нужно ли говорить, какую радость испытали автор и его семья! Не один день Николай Николаевич принимал поздравления от друзей и односельчан. Книгу, естественно, обсуждали на заседании литературного объединения.

Старшие товарищи по литературе тоже поздравляли автора, но с оговоркой, что, мол, книга — это хорошо, но теперь работать над словом, сюжетом, стилем нужно с двойной силой, чтоб не застрять на одном месте. И Николай Николаевич внял их советам — работал. Тем более, что книга была замечена общественностью. Так, первым о ней высказался Николай Дворцов в газете «Алтайская правда» за 21 октября 1952 года. Через месяц отзыв в газете «Звезда Алтая» написал Д. Михайлов. В альманахе «Алтай» № 6 В. Трушин, делая обзорную статью о новых произведениях алтайских писателей, не обошёл вниманием и сборник «Полный вперёд!». В 1953 году первая книга Чебаевского обсуждалась на страницах журнала «Сибирские огни» в № 3. А. Никульков объективно отметил недостатки повести и её достоинства, подчеркнув, что автор, безусловно, обладает литературным талантом.

Став руководителем Алтайского отделения ССП, И. Фролов сразу же начал решать вопросы о приёме в Союз

писателей коллег. Так, в октябре 1952 года он пытается принять в СП Козлова, Демченко и Чебаевского. Самому ему сложно, и он подключает к этому делу А. Коптелова. Но тот, калач тёртый, осторожный, и 2 ноября 1952 года И. Фролов получает письмо из Новосибирска от Афанасия Коптелова. Вот что он прочёл: *«Козлов — талантливый поэт... но его поведение в быту может помешать приему в ССП, ведь в Москве знают о его проступках. Ал. Демченко — способный прозаик, но будет лучше, если и он сам и Вы подождёте, пока выйдет в свет и получит критические отзывы в печати его повесть о Куягаше. Сейчас я читаю новый вариант рукописи. Думаю, что в будущем повесть может выйти в «Сиб. огнях», но над ней надо ещё поработать самому автору, а уж потом редактору... К сожалению, я ещё не читал произведений т. Чебаевского (у меня их нет, а здесь достать невозможно). Но мои товарищи по работе, читавшие его последнюю рукопись, отзываются о нем хорошо. Я охотно прочёл бы его книгу. Если у меня о ней сложится хорошее мнение, то я буду рад рекомендовать его в ССП. Жму Вашу руку. Ваш А. Коптелов»⁸.*

1952 год для Николая Николаевича стал на редкость контрастным в духовном плане. Приятным и радостным было то, что его стали признавать писателем не только на Алтае, но и за его пределами авторы с мировыми именами. Именно в этот период он задумал второе крупное произведение — «Свежий ветер». В одном из писем Н. Дворцову он признаётся: *«...не знаю ещё, что это будет, роман или повесть, но задумал я написать о любви... большой и светлой. Настоящей...»⁹*. Вот здесь немного не понятно, почему автор пишет: *задумал написать о любви?* Ведь у него практически все предыдущие произведения о любви!

Параллельно Николай Николаевич готовит подборку рассказов для коллективного сборника, который составлялся и выпускался по инициативе Алтайского книжного издательства.

В 1953 году Алтайское книжное издательство выпустило сборник произведений для детей «У нас на Алтае»,

---

⁸ КГКУ ГААК Ф. Р485 оп.1, д.5

⁹ КГКУ ГААК Ф. Р1368 оп. 2, д. 140

в который вошло одиннадцать маленьких рассказов Чебаевского. Публикация прошла незамеченной как читателями, так и критиками. Но это обстоятельство не смутило автора, и он направил подборку в книжное издательство. Детскую литературу там брали с радостью, тем более, что автор уже состоявшийся и, можно сказать, признанный. Так, в 1954 году у Чебаевского издаётся его вторая книга «Маленькие рассказы». Единственным, кто отметил новый сборник, был литератор из Бийска М. Длуговской, опубликовавший в газете «Сталинская смена» за 25 августа 1954 года небольшую заметку с положительным отзывом.

А Николай Николаевич уже за новой работой: написал и отправил в издательства ряд рассказов. В результате в Новосибирске в сборнике «Золотые искорки» № 4 за 1955 г. были опубликованы два рассказа: «У Сухого лога» и «Случай на реке». В Алтайском книжном издательстве в сборнике «Рассказы» — большой рассказ «В сентябре», а в Горно-Алтайске в сборнике «Пионерское слово» — два рассказа: «Филенка» и «У Сухого лога». Как и все предыдущие — это рассказы о детях. Можно сказать, урожайный год был у писателя: опубликовал свои произведения сразу в трёх регионах страны. Это вселило уверенность, и Николай Николаевич высылает свои рассказы в Москву, в журнал «Смена». И вновь победа! В 1956 году в «Смене» № 6 печатается рассказ «Однажды на реке». И не просто так, а с отзывом самого Михаила Пришвина! Радости Николая Николаевича не было предела. Он посылает ещё рассказы, и их печатают в № 21. Москва, а значит и СССР покорен! Теперь произведения Чебаевского читают не только в Сибири, но и во всём Советском Союзе. Забегая вперёд, скажем, что в справке об авторе в книге «Клад-озеро», вышедшей в издательстве «Советская Россия» в 1958 году, редактор написал: *«Теперь в нашей стране уже нет, пожалуй, ни одной детской библиотеки, где бы не было книг Чебаевского».*

В декабре 1955 года Николай Николаевич был в Москве на III Всесоюзном совещании молодых писателей. Вопрос о его участии в совещании решался долго. Отделение Союза писателей посылало. Сам он не хотел, вернее побаивался. Желание-то, конечно, было. Как же — побывать в столице, познакомиться с новыми писателями,

показать свои произведения. Да что там говорить! Побывать, повариться несколько дней в гуще пишущей братии со всех уголков великого СССР — это же здорово! Но боялся он, что здоровье не позволит совершить столь дальнюю поездку. А ну как дадут знать о себе болячки, что тогда? Валентины рядом не будет. Но в конце концов решился, товарищи уговорили, что это просто необходимо для вступления в Союз писателей. Съездил. Привёз массу впечатлений и полную душу вдохновения, но спровоцировал организм и заболел.

В письме Н. Дворцову от 25 марта 1956 года он пишет: *«...слушал по радио отрывок из твоей повести «Горные дороги»... молодец, я рад за тебя... нужно тебе поработать над некоторыми местами... Опять сильно болел... сказались поездка в Москву... голова болела очень сильно... рука ныла и совсем не слушалась, сейчас вроде как отлегло, но не совсем...»*¹⁰.

Жизнь писательской организации всегда очень интересовала Николая Николаевича. Что там происходит? Кто и что написал, где опубликовал, что сказали критики? Отдаённости от гущи творческих дел вызывала лёгкую досаду. Ему хотелось быть в самом центре творческих дел, чтобы постигать новое, учиться, оспаривать, соглашаться, доказывать. Но в то же время он был счастлив, что живёт в родном Тогуле, где течёт тихая, покойная и размеренная жизнь, которая благотворно влияет на литературное творчество. Не мифически и не на уровне подсознания, а реально, физически чувствовал подпитку энергией от родной земли. И всегда несказанно был рад возвращению домой.

Не менее рад он был и каждому, кто приезжал из Барнаула или Бийска. А если приезжали не к нему, а в Тогул по делам и он об этом узнавал, то непременно зазывал гостя к себе. А в те годы в Тогул, надо сказать, довольно часто навещались газетчики из «Алтайской правды» и «Сталинской смены». И большинство из них входили в число литературного актива: Сотников, Демченко, Моисеенко и др. Через них Н. Чебаевский узнавал о литературной жизни на Алтае, так сказать, из первых уст.

---

¹⁰ КГКУ ГААК Ф. Р1386 оп.2, д. 139

Так, в письме Н. Дворцову от 8 ноября 1956 года он сообщает, что мимоходом видел Ф. Моисеенко (корреспондент «Алтайской правды», писал рассказы о природе) и тот сказал, что И. Фролов уехал из Барнаула¹¹. В это время семья Чебаевских живёт на ул. Советской, 8. А ещё в этом году семья приобрела по тем временам очень роскошную и дорогую вещь — легковой автомобиль «Москвич»! В городе автомобиль был редкостью, а уж о деревне-то и говорить нечего, если за мотоциклом ребятня бегала ватагами. А у Чебаевских в ограде новенький, блестящий полировкой авто. Всем селом приходили посмотреть. Поздравляли. А Николай Николаевич улыбался от счастья. Не ошибёмся, если скажем, что иногда «Москвич», набитый мальшнёй, курсировал по селу, полнясь восторженными детскими криками. Много ли детям надо — проехали по улице туда и обратно, а радости и эмоций на месяц хватит. Любопытные читатели спросят: а как Николай Николаевич водил автомобиль? Ответим: водила автомобиль Валентина Васильевна!

После всесоюзного признания и без того гостеприимный дом Чебаевских становится постоянным местом сбора литераторов Алтая и обсуждения новых произведений. Частыми гостями были Александр Тресков, Иван Фролов, Николай Дворцов, Михаил Длуговской, Александр Баздырев, Алексей Сотников. Многими годами позже Татьяна Николаевна Гущина-Дворцова рассказывала, как они были у Чебаевских, где она ела малину с молоком. Дом семьи Чебаевских был небольшой, но места в нём хватало всем, и никто из гостей не чувствовал тесноту или какие-то неудобства. А разговоры, естественно, велись в основном о литературе, в них участвовали и члены местного литературного объединения: Александр Махов, Иван Атаманов. К слову сказать, в лето 1955 года Николай Николаевич закончил новую большую повесть «Свежий ветер», которая была создана в духе того времени. Как именно? А вот как. Союз писателей СССР нередко упрекал региональные отделения писателей за то, что творцы практически никак в своих

---

¹¹ КГКУ ГААК Ф. Р1386 оп.2, д. 139

произведениях не отражают деятельность партии в стране, в том числе и в сельском хозяйстве. Упускают и заботу партии о народе, его благе. И вот в своей повести, посвященной молодёжи Алтая, Николай Николаевич показал, как и какую роль сыграли решения XX съезда партии в жизни деревни. По совету друзей отправил повесть в Алтайское книжное издательство. Учитывая политический дух повести, рекомендательный отзыв крайкома КПСС, книгу включили в план издания и выпустили в конце 1956 года, а на прилавки книжных магазинов и на библиотечные полки книга поступила в начале 1957 года. Местная пресса, точнее собратья по перу, встретили повесть неоднозначно. Первым на выход книги откликнулся Николай Дворцов. В газете «Молодёжь Алтая» 12 марта была опубликована его теплая статья о новой книге товарища. Через неделю, 20 марта, в «Алтайской правде» появилась статья некоего В. Курьлёва о повести «Свежий ветер». Новосибирск и центральная пресса почему-то не удостоили повесть внимания. Но были и другие мнения. Так, на общем собрании писательской организации, которое состоялось 26 апреля 1957 года, шла речь о новых изданных книгах. И Алексей Сотников, известный своей прямоотой и острым словом, сказал: «Я с трудом дочитал до конца «Свежий ветер»¹² ... Дружба дружбой, но сказать правду не боялись и не стеснялись люди в те годы.

А ведь работая над повестью, Николай Николаевич несколько месяцев практически жил в училище механизации, замечая и осмысливая каждую мелочь, пропитывался духом коллектива, чтобы познать, а после прописать характеры будущих героев произведения. Об этом писатель лично рассказывал журналисту В. Серебряному, когда тот гостил у него в начале лета 1959 года¹³.

Но уже следующая повесть Чебаевского «Клад-озеро», вышедшая в 1958 году в Алтайском книжном издательстве и в Москве в издательстве «Советская Россия», пришлась по душе не только читателям, но и редакторам

---

¹² КГКУ ГААК Ф. Р-485, оп.1, д. 3

¹³ Альманах «Алтай» № 13 1959 год, стр. 126

издательств, и критикам. На Алтае книга была выпущена тиражом в 30 тысяч, а в Москве 165-тысячным тиражом. «Алтайская правда» откликнулась, опубликовав 4 октября 1958 года статью А. Вязнцева «Первый жизненный урок», в которой автор лестно отозвался о книге. Через неделю, 10 октября, «Молодёжь Алтая» опубликовала статью Е. Лучинецкого «Герои жаждут приключений», в которой автор раскритиковал повесть в пух и перья. В частности Лучинецкий пишет: *«Искусственность построения сюжета, неестественность ряда положений, в которых, по воле автора, оказываются юные герои, — вот серьёзные просчёты Н. Чебаевского, приведшие в конечном счете к тому, что читатель не верит описываемому, сомневается в достоверности событий... несмотря на некоторую внешнюю занимательность, она лишена живости, движения... Н. Чебаевский то и дело подменяет показ рассказом. Причем, язык рассказа невыразителен и скучен... Да ведь это же и язык, и стиль плохого протокола!»*. Сложно сказать, что двигало автором сей статьи и для чего нужно было печатать её в краевой газете? Затем, в 1959 году, о «Клад-озере» были публикации в журналах «Москва» и «Сибирские огни» — в общем, отзывы хорошие. Автор гордился этим, потому как Москва, да и вообще центральная пресса, крайне редко баловала авторов с окраин своим вниманием.

В этот же год в журнале «Смена» № 5 публикуется новый рассказ Чебаевского «Слабая душа».

В газете «Молодёжь Алтая» за 19 ноября 1958 года печатается очерк Виктора Серебряного о Чебаевском «Подвиг жизни». В период работы над очерком Серебряный и Чебаевский несколько раз встречались. Виктор Самуилович никогда не писал о людях, не имея личного знакомства. Хотя встречались они и до написания очерка, но те моменты можно назвать проходными. А чтобы написать о человеке полноценный очерк, Серебряному всегда было необходимо проникнуть во внутренний мир человека, понять его, оценить его жизненный стержень.

Учитывая популярность произведений Чебаевского и их востребованность, Алтайское книжное издательство предлагает автору подготовить книгу, на что тот

с радостью соглашается, благо на столе всегда есть материал. В итоге в 1959 году на Алтае издаётся две книги Чебаевского: «Маленькие рассказы» — переработанная и дополненная книга — и сборник рассказов «Горячие сердца». Обе они находят отклик как читателей, так и критиков. О «Маленьких рассказах» на страницах «Алтайской правды» высказываются Г. Кондаков в статье «Короткие рассказы» от 16 января 1960 года. Он, в частности, отметил: *«Краткость, точность, мягкий лиризм — вот основные качества книжки Н. Чебаевского «Маленькие рассказы»... Выразить большую мысль в маленьком рассказе — задача очень трудная. Но писатель в большинстве своих произведений сумел решить это просто, без лишней назойливой детализации...»*. О сборнике «Горячие сердца» написали И. Порошин в статье «Черты наших дней» от 10 августа 1961 года; К. Максимович — «Знакомство с новыми друзьями» в газете «Молодёжь Алтай» от 13 октября 1959 года; А. Ореховский — «И целиной, и торными тропами» — в альманахе «Алтай» № 17 за 1961 год. Последний пишет: *«...Он покоряет простотой, сдержанностью и в то же время глубиной изображения жизни... Н. Чебаевский хорошо знает жизнь тех, о ком пишет. Скупыми, емкими деталями он умеет создать настроение...»*. А Виктор Серебряный написал большой очерк под названием «Николай Чебаевский. (Жизненный и творческий путь)», который был опубликован в альманахе «Алтай» № 13 за 1959 год. В своём очерке В. Серебряный подметил: *«Чебаевский настойчиво изучает законы литературного творчества, ревниво присматривается к тому, как решают другие прозаики мучающие его задачи художественного отображения жизни...»*.

Здесь следует отметить: несмотря на отдалённость от краевой столицы и крайне сложный процесс приезда в неё, Николай Николаевич старается не пропускать мероприятий в отделении Союза писателей. Живого общения с собратьями по перу не заменят никакие письма. Здесь он получал не только духовное удовлетворение, но и несомненную практическую пользу. Ведь в Барнаул он никогда не приезжал с пустыми руками: всякий раз привозил с собой рукопись рассказа или главу новой повести.

Так, в июне 1959 года он специально приехал в Барнаул, чтобы участвовать в обсуждении новых стихов Б. Каурова и после выступления Н. Павлова, Н. Дворцова, Л. Квина, А. Демченко высказал свои замечания¹⁴. Выступления Николая Николаевича резко отличались от других тем, что он говорил мягко, осторожно, чтоб не задеть самолюбия и не ранить автора, но при этом старался сделать так, чтобы тот услышал и запомнил все *недоработки* (это слово Н. Н. употреблял вместо слов *ошибка*, *ляп*, *непрофессионально* и т. п.), допущенные в произведении.

В письме Н. Дворцову от 12 марта 1959 года Николай Николаевич жалуется, что сильно мучают боли в руке и голове, которые просто не дают работать. Но, заметим, ни в одном из писем ни словом, ни намёком не посетовал на жизнь и не сказал, что жить не хочется. Любил он жизнь. И поэтому все его произведения пропитаны любовью к ней.

Дорога в Барнаул была для Николая Николаевича нелёгкой, но не самым трудным вопросом в процессе выезда. Физические трудности писатель преодолевал мужественно и незаметно для окружающих. С ними он привык справляться с детства. Более сложным (в моральном плане) было — где остановиться на ночлег. Двери квартир Дворцовых, Трескова и многих других всегда для него были открыты, но природная стеснительность, боязнь создать неудобства своим присутствием (хотя и кратковременным) окружающим и уж тем более хозяевам квартиры или дома всю жизнь были для него сущим наказанием. И если оказывалась возможность, то он старался остановиться в Доме колхозника или в гостинице. Хотя это приносило семье ощутимые финансовые потери. Кроме того — лишало возможности длительного общения с литераторами¹⁵.

И ещё один штрих к портрету писателя. Если, выезжая в Барнаул, он знал, что придётся останавливаться на ночлег у кого-то из друзей, всегда брал с собой гостинцы, чтобы не чувствовать себя ещё и нахлебником.

---

¹⁴ КГКУ ГААК Ф. Р485 оп. 2, д. 5

¹⁵ КГКУ ГААК Ф. Р1386 оп.2, д. 139

ГЛАВА VII

Московские издательства время от времени печатали сборники художественных произведений авторов из глубинки. Так, в 1959 году в Москве был подготовлен и издан сборник рассказов и очерков «Сибирь сегодня», в котором наряду с произведениями маститых сибирских писателей был опубликован и рассказ Н. Чебаевского «Сентябрьские дни». Ранее он печатался в сборнике «Горячие сердца» под названием «В сентябре». Вроде бы повторение, но произведение вышло на новый, более высокий уровень и для более широкого круга читателей, а это значит, что и мнения будут иными, благодаря чему и сам автор увидит на своё творение в другом ракурсе. Тем более — в новой редакторской версии. Как бы ни была горька правда, а желал её слышать Николай Николаевич непременно. Об этом вы прочтёте на следующих страницах.

Творчество для Н. Чебаевского стало одной из важнейших жизненных составляющих. Другой (и, наверное, главной) — была семья: дочери Наташа и Лена. Детей Николай Николаевич любил очень. Можно сказать, что все родители любят своих детей, и ничего в этом особенного нет, но, согласитесь, по-разному любят. Николай Николаевич провожал дочерей в школу и встречал, помогал собираться на занятия и выполнять домашние задания. Одним словом, дома не оставлял детей без внимания ни на минуту.

В воспитании детей хорошим подспорьем стали его энциклопедические знания. Дочери всю жизнь были уверены, что их папа знает обо всём на свете: с каким бы вопросом они к нему ни подошли — полный, исчерпывающий ответ услышат всегда.

В 1960 году в Новосибирске издаётся восьмой сборник «Золотые искорки», в котором публикуется большой рассказ Н. Чебаевского для детей «Пётр Великий» — о деревенском мальчишке Пете и его дедушке Мироне из небольшого посёлка Дымелка, расположенного в Салаирской тайге. В этом же году в журнале «Молодой колхозник»

печатают маленький рассказ Николая Николаевича «Ключик», а в Сельской жизни» — рассказ «Заповедные дубы», который, видимо, очень нравился самому автору — он публиковал его несколько раз.

В этот год старые травмы дали о себе знать. В одном из писем Н. Дворцову он писал, что сильно болела голова, правая рука практически не работала. К тому же болела спина. Почти три месяца Николай Николаевич был неработоспособным¹⁶. Даже когда болезнь отступила, начать работу с рукописями он ещё долго был не в состоянии.

Терзало душу и то, что заботы о хозяйстве, о детях да и о нём самом легли на хрупкие плечи Валентины Васильевны. Мучило его это и угнетало очень. И потому изо всех сил в её присутствии старался скрывать свои боли и делать вид, что всё нормально. Но обмануть супругу не получалось.

В 1961 году рассказы Н. Чебаевского публикуются в «Советской России» — «Приобретение» и в сборнике «Голубая лесенка» (Алтайское книжное издательство) — «Друг за друга».

В 1960 году у Н. Чебаевского почти на год прерывались отношения с самым близким другом Н. Дворцовым. Этой теме можно было бы посвятить целую главу, но, мы думаем, что для истории намного ценней окажется первоисточник — письмо Н. Чебаевского от 3 ноября 1961 года: *«Дорогой Николай Григорьевич! Мне тоже давно хотелось написать тебе, но все-таки, хотя и жаль было, я прекратил переписку с тобой.»*

Сотников сказал тебе правду — главную роль сыграла тут обида. Но обиделся я не потому, что ты забраковал мой рассказ. Дело вовсе не в рассказе. Мне, конечно, как и тебе, известно, что литература не математика, что одно и то же произведение может быть оценено разными людьми совсем по-разному.

Если бы ты прямо сказал свое мнение, я бы согласился или не согласился с тобой, возможно, даже поспорил, но обиды никакой не возникло. На что тут обижаться? Ну, не подошёл рассказ для альманаха «Алтай», так можно послать в дружок

---

¹⁶ КГКУ ГААК Ф. Р1386 оп. 2, д. 139

место, (кстати, его напечатали потом в «Молодом колхознике»), а не приняли бы нигде, значит, писать новый.

А как обстояло дело? Ведь я послал тебе рассказ не почтой, а с Валентиной, когда она проездом была в Барнауле. Скажу по совести: для меня не имело решающего значения, понравится рассказ или нет (это же не повесть, не роман, пропали бы не многолетние труды). И присылка его тебе, как говорят в народе, была лишь «заделем». Мне хотелось, чтоб Валентина зашла к тебе, узнала литературные новости. Без всякого повода зайти было вроде неудобно, вот я и снабдил ее рассказом. Решил, что это будет тактичнее. И потом ты мне ответишь, пришьешь, какой ни есть, отзыв, а я могу соглашаться или возразить. Все-таки «не пустая» переписка.

Так казалось. А получилось все иначе. Ты не отозвался ни словом, а я обиделся. Откуда мне было знать, что рассказ передан Юдалевичу? Да если бы мне это и было известно, на Юдалевича я не имел оснований обижаться: ведь рассказ-то я послал не ему, а тебе, от тебя ждал письма. А ждал я долго — чуть не год.

Надо ли удивляться, что, ничего не дождавшись, я пришел к горькому выводу: Дворцов занесся, не хочет знать с бывшими товарищами по литературе. А раз не хочет — и не надо.

Поэтому, когда год спустя, ты всё-таки написал мне, я тоже решил не отвечать: «невестке в отместку».

Ну а сейчас, конечно, я доволен. Вижу: возникло простое недо-разумение, что тебе вот тоже показалось обидным, будто я не заметил твоей постоянной доброжелательности и молчу «в знак благодарности» за все, что ты для меня сделал.

В общем, «конфликт» наш получился несерьезным. Повторяю: я не только доволен, но и рад этому! Ведь из всех алтайских литераторов ты для меня наиболее близок.

Ну, ладно, хватит об этом.

Судя по адресу, тебе дали новую квартиру. Поздравляем от души с новосельем!.. Может, напишешь хоть коротенько, как оно выглядит, твое новое жилье? Наверное, есть все благо современной квартиры?

Найдешь время, напиши, что нового, интересного в литературном Барнауле.

Привет твоей семье, а также Юдалевичу, Баздыреву, Трескову, Попову и всем знакомым писателям.

Жму руку! Н. Чебаевский»¹⁷.

Это письмо, на наш взгляд, ценно не только сутью, но и тем, что по нему видно, как Николай Николаевич дорожил дружбой, какую имел ранимую и чуткую душу. Любил и очень ценил откровенность, открытость и правду, какой бы горькой она ни была. Крайне редкое качество души. И к окружающим он относился именно так, как хотел, чтобы относились к нему. В работе с молодыми авторами, став известным и опытным писателем, Чебаевский всегда был чутким и отзывчивым рецензентом и редактором. Даже если произведение, которое ему приходилось читать, было неимоверно далеко от настоящей литературы, он высказывал своё мнение автору тактично, мягко, дабы не ранить самолюбия и не ударить по рукам.

В жизни Николая Николаевича, как практически у каждого человека, были и остались белые пятна, как в биографии, так и в творчестве. Первых мы трогать не будем, а вот о вторых скажем.

Например: 15 января 1962 года он высылает Н. Дворцову рукопись объёмом в 252 машинописные страницы. Солидное творение, и работал над ним автор, видимо, не год, а многим более. К сожалению, название рукописи не известно. Отправляя её, Николай Николаевич попросил не только своего друга, но и ещё некоторых писателей вычитать текст, а после прислать рецензии. Как правило, в те годы рукописи вычитывали не менее трёх рецензентов. И работали над ними, невзирая на отношения с автором. Били, как говорится, не в бровь, а в глаз — по-дружески, открыто и справедливо, не заигрывая. Рукопись писатели отработали быстро. Рецензия была разгромной. Получив из Барнаула ответ Н. Дворцова, Чебаевский в отчаянии и горести сразу же сел писать ответ (датирован 10 февраля 1962 года). Вот что он пишет Дворцову: *«Дорогой Николай Григорьевич! Получил отзывы на повесть.*

Тяжело стало на душе. Но обиды нет.

Взялся вот за письмо под первым впечатлением и сгоряча, наверное, должен бы возражать, спорить, доказывать своё. И если

---

¹⁷ КГКУ ГААК Ф. Р1386 оп. 2, д. 139

бы мог — это, пожалуй, принесло облегчение. Только спорить-то не могу: обезоружили вы меня совсем.

Я уже тебе писал: твердой веры, что повесть написана сносно, у меня не было. А теперь, прочитав ваши отзывы, окончательно убедился в крахе.

Не ради оправдания, а просто по-товарищески скажу лишь, что получилось все так, по-видимому, из-за бесконечных переделов, из-за того, что не раз ломал сюжет и композицию. В результате притупилось чутьё.

Конечно, самым разумным в этом положении было: не посылать никуда рукопись до тех пор, пока не определится о ней собственное мнение.

Но больно уж затянулась работа. Даже стыдно стало произносить это слово: «работая». Вот и решился послать как есть.

Теперь мне горько, да хоть не так стыдно: всё-таки «показал», что чего-то делал, старался, во всяком случае, сделать...

А если выстою против этих ударов (ведь предстоит ещё разнос от Валентины, — сейчас её дома нет, уехала в Чесноковку на встречу с депутатом, — а домашние критики лупят похлеще) и примусь снова за рукопись, то все ваши замечания, конечно, не раз ещё обдумаю и постараюсь учесть.

Как бы там ни было — прошу передать А. Г. Баздыреву и Л. И. Квину искреннее товарищеское спасибо за советы.

А тебе просто дружески жму руку.

Н. Чебаевский

Привет твоей семье»¹⁸.

Можно строить догадки и думать, что это был первый вариант романа «Если любишь». Но это будет всего лишь догадка, а какое произведение на самом деле попало под удар, так и осталось тайной.

Подобные встряски для здоровья Николая Николаевича были губительны. Как творческая личность, Николай Николаевич был легкораним. И любая, пусть даже лёгкая, критика расстраивала его донельзя и провоцировала мучительные головные боли, надолго выбивая из рабочего ритма.

---

¹⁸ КГКУ ГААК Ф. Р1386 оп.2, д. 139

Если исходить из текста письма, то Валентина Васильевна (как первый слушатель и рецензент всех произведений супруга) советовала ему дать рукописи вылежаться, а он, воспользовавшись её отсутствием, отослал на суд товарищей. За что и поплатился.

История знает массу примеров, когда откровенные и справедливые рецензии разбивали навсегда многолетнюю дружбу двух творческих людей. Но в случае Чебаевского и Дворцова, слава богу, такого не произошло. И вот ещё один эпизод. В том же году Н. Дворцов выехал на лечение в Ялту. И то ли Николай Григорьевич не рассчитал свои финансовые возможности (творческие личности в большинстве своём совершенно не умеют распоряжаться деньгами), то ли по другой какой причине, но в сентябре он пишет Чебаевскому письмо и просит выручить деньгами. Заметьте, просит денег не у горожан Сотникова или успешного Квина, а у сельского друга-инвалида, у которого к тому же две дочери-школьницы. Николай Николаевич в тот же день, как получил письмо с просьбой о деньгах (7 сентября), собрал и отправил просителю нужную сумму¹⁹.

Изучив все имеющиеся в Государственном архиве Алтайского края документы по Алтайскому отделению писательской организации, мы не нашли ни одного, в котором было бы сказано, что Н. Чебаевский воспользовался правом (как член литературного фонда) пролечиться в санатории или профилактории. И это удивительно. Некоторые писатели (не будем называть их фамилии), будучи молоды и вполне здоровы, по нескольку раз побывали в различных санаториях-профилакториях и на курортах по бесплатным путёвкам, а вот Чебаевский — ни разу. Хотя ему это было просто необходимо.

С годами болезнь прогрессировала, навевалась всё чаще и выводила с поля активной жизни на всё более длительные периоды. Так, 29 мая 1963 года Н. Чебаевский пишет Дворцову, что вновь сильно и длительно болеет. Тяготит не столь болезнь, сколько то, что в эти периоды он

---

¹⁹ КГКУ ГААК Ф. Р1386 оп.2, д. 139

совершенно не способен работать над рукописями и помогать супруге по хозяйству²⁰. А какво жить в частном доме, знает только тот, кто жил или живёт в таких условиях. Чего стоит одна заготовка топлива на зиму! Зимой топить печь по два раза в день. Носить воду из колонки или колодца для питья и приготовления пищи одно, а для стирки или бани — другое, особенно в зимнее время, в бураны да снегопады. А работа на огороде в двадцать, а то и тридцать соток!

В середине шестидесятых друзья-писатели (во главе с Дворцовым) стали уговаривать Чебаевского перебраться на жительство в город. Притом действовать они начали не с Николая Николаевича (зная, что он врос в Тогул всем своим существом и слушать о переезде не станет), а с Валентины Васильевны. В основном убеждали, что, мол, дочери вырастут, окончат институты и останутся в городе, и вы будете рядом с ними и с внуками. Тем более, что старшая дочь Наталья с 1964 года уже училась в Барнаульском педагогическом институте и жила в общежитии. После долгих разговоров, раздумий, семейных советов Чебаевский согласился, и друзья принялись хлопотать в крайкоме КПСС о предоставлении ему квартиры.

На переезд в город Николай Николаевич согласился, поддавшись не уговорам, нет. Забота о семье, о родных заставила его покинуть родной посёлок. С одной стороны он даже был рад, что друзья сами предложили это дело и ему не пришлось просить (что для него было сущим наказанием). Он прекрасно осознавал, что с годами весь круг забот по дому и хозяйству (включая и мужскую работу) полностью перевалится на плечи супруги. И очень не хотел этого и боялся. Потому и согласился.

В начале 1967 года переезд состоялся. Но это произошло после выхода самого популярного произведения Николая Николаевича — романа «Если любишь», который, в прямом смысле слова, принёс автору всенародную известность и любовь. А работа над романом, по всей видимости, была начата в середине 1950-х, потому как ещё в 1959 году

---

²⁰ КГКУ ГААК Ф. Р1386 оп.2, д. 139

писатель рассказывал журналисту В. Серебряному, что давно работает над повестью о студентах, участвующих в уборке урожая²¹.

Тираж книги был небольшой, всего 15 000 экземпляров, и цена вполне сносная — 68 копеек. Роман ушёл с магазинных прилавков с невероятной для местных изданий скоростью. В библиотеках занимали очередь на книгу. Популярность росла день ото дня. И автору, и в издательство, и в газеты пошли письма от читателей со словами благодарности. Были даже письма, в которых спрашивали, что же дальше было с Тихоном и Ланей?²² Судьба двух героев не оставила равнодушными ни одного читателя.

Если просто сказать, что Николай Николаевич был счастлив, значит, ничего не сказать. Популярность романа, читательские отзывы — самая высокая оценка, признание таланта. Вместе с ним радовались и его родные: дети, жена, сестра.

Естественно, не оставила роман без внимания и критика. Первым откликнулся В. Ковалёв, опубликовавший в «Книжном обозрении» № 17 за 1966 год небольшую, но тёплую статью под названием «Первый роман». А в 1967 году откликнулись и местные критики. Например, Алексей Ефимович Сотников во втором номере альманаха «Алтай» в 1967 году к юбилею Чебаевского написал хороший очерк «Сердцем сильный», который был опубликован и в газете «Алтайская правда» за 25 марта.

Алтайское книжное издательство на спрос романа отреагировало незамедлительно. С автором быстро был заключён договор, и весной 1967 года роман был переиздан 15-тысячным тиражом.

Не менее автора был рад и редактор А. Тресков. А как же, это же он, можно сказать, первый оценил по достоинству роман «Если любишь», он дал рекомендательную рецензию и работал с автором.

На обсуждение собратьям по перу Николай Николаевич почему-то роман не вынес, т.е. в писательской

²¹ Альманах «Алтай» № 13 1959 год, стр. 127

²² КГКУ ГААК Ф. 1368 оп. 2, д. 142

организации о нём не говорили. По крайней мере, в документах об этом не сказано и в письмах друзьям он об этом не сообщает. Хотя в те годы обсуждать новые книги и рукописи на рабочих собраниях было принято. Возможно, роман миновал публичный разбор потому, что в этот период в коллективе писателей было далеко не спокойно: велись отрывтые и тайные интриги, между некоторыми писателями сложились неприязненные отношения. Например, 11 февраля 1967 года проходило отчётно-выборное собрание, на котором из десяти членов СП, состоявших на учёте, присутствовало восемь: Баздырев, Дворцов, Мерзликин, Юдалевич, Сергеев, Чебаевский, Павлов, Пантюхов. Квин и Больгер не могли явиться из-за болезни. Ещё на собрании присутствовали председатель правления СП РСФСР М. П. Шевченко, секретарь крайкома КПСС Т. А. Кулаков, зав. отделом пропаганды и агитации крайкома В. И. Казанцев, литактив края. На повестке дня было два вопроса: отчёт ответственного секретаря А. Баздырева и выбор бюро организации. Первым, как и полагается, выступил А. Баздырев. В своём объёмном докладе (48 машинописных листов) он практически не обошёл вниманием ни одного члена СП и литактива. Лестно высказался о Л. Квине. Положительно отметил М. Юдалевича, Н. Дворцова, Н. Чебаевского. Похвалил недавно вышедший роман «Если любишь». Отметил серьёзную работу Л. Мерзликина, И. Пантюхова, И. Кудинова, Ф. Больгера, В. Попова, В. Сидорова и его роман «Путь наш нехоженый». Критически высказался о повести Г. Егорова «Крушение Рогова», сказал, что это огорчение издательства. Из литактива ещё отметил П. Старцева, Г. Комракова и П. Никольского. Также перечислил все проведённые работы: выступления, творческие поездки, встречи в трудовых коллективах, семинары, направления на учёбу в литературный институт им. Горького и т. п. Доклад, как и у всех предыдущих ответсекретарей, был неоднозначным и, соответственно, воспринят по-разному.

В прениях после доклада выступили 14 человек.

М. Кашников высказался за переизбрание А. Баздырева, заявив, что за период его работы (с 1963 г.) в долж-

ности ответсекретаря в СП с Алтай никого не приняли. Это было ложное обвинение. Л. Мерзликин был принят в Союз в 1965 году, в 1966 году на собрании были приняты В. Попов и И. Кудинов, а в мае 1967 их утвердили в Москве. Кроме того, Г. Комраков в тот год жил в Томске, но А. Баздырев ходатайствовал о его приёме в Союз писателей.

Не одобрил работу Баздырева также и Н. Лоткин (автор нескольких детских книг).

Но всех яростней критиковал его работу приехавший из Магадана в январе 1964 года В. Сергеев. В творческом багаже Сергеева было шесть книг: четыре издано в Магадане и по одной в Москве и Барнауле. Имел хорошее образование — окончил Ленинградский университет и Высшие литературные курсы. Среди писателей пользовался заслуженным авторитетом, к его мнению прислушивались. В конце выступления Сергеев предложил Баздыреву уйти с поста ответственного секретаря.

Выступления остальных участников собрания были о разном: о слабых книгах, отсутствии критики и краем, как бы мимоходом, о слабой в некоторых вопросах работе ответственного секретаря. Хотя теперь, изучая документы писательской организации, мы видим, что работу Баздырев вёл большую и справлялся с должностью достойно, но об этом будет сказано в другой книге. Исходя из всего этого, можно предположить, что «свержение» Баздырева с поста ответственного секретаря — заговор.

Не бросил камня в него только Николай Николаевич. Он вообще не выступал.

При выборе нового состава Бюро Алтайского отделения СП гонение на Баздырева усилилось. Смотрите. Открытым голосованием в состав бюро было выдвинуто четыре кандидатуры: Дворцов, Пантюхов, Юдалевич, Баздырев. Голосовать решили по каждому кандидату отдельно, и в итоге Баздырева отклонили с убийственным результатом. За него было только два голоса (он сам и Чебаевский). Против — 4, воздержалось — 2. Затем за выдвинутых членов голосовали тайно. В счётной комиссии Чебаевский и Сергеев. Выдано 8 бюллетеней. Итоги

тайного голосования: за Дворцова — 8, за Пантюхова — 8, за Юдалевича — 8. Бюро утвердили²³.

Такого незаслуженного отношения к себе Александр Баздырев, конечно же, стерпеть не мог. Да и непонятно было, за что с ним так обошлись те, кто в 1960 году единогласно рекомендовал его в члены Союза писателей, в 1963 году также единогласно избрал ответственным секретарём. Что случилось? Не смягчило удар и то, что его избрали уполномоченным по литфонду. Почётная должность для отставного лица? Замкнувшись в себе, он в течение года выбрал новое место жительства и в начале осени 1968 года уехал с Алтая.

Переехав в Барнаул, Чебаевские дом в Тогуле не продали, оставили в качестве дачи. Уезжали туда обычно после схода снега и оставались до уборки урожая. Тогул заменял Николаю Николаевичу и санаторий, и профилакторий. И писалось там, на родной земле, намного легче.

В городе Валентина Васильевна устроилась сначала преподавателем литературы и русского языка в школу № 68, а затем там же была назначена заместителем по учебной части. Но ни она, ни Николай Николаевич так и не смогли стать горожанами и каждый год с нетерпением ждали весны, чтобы перебраться в Тогул, отдышаться, напитаться живительной энергией родной природы. А ещё они оба очень скучали по деревенскому открытому, простому и чистому общению не только с родными, но и сельчанами, к которым можно и самим запросто сходить и которые к тебе могут заскочить на огонёк в любое время и без всякого повода — просто поговорить по душам.

ГЛАВА VIII

В 1969 году из Тогула уехала семья сестры Инны. Новым местом жительства они выбрали село Озерки Тальменского района. Географически в социальном плане место удобное —

---

²³ КГКУ ГААК Ф. Р485 оп. 2, д. 25

рядом железная дорога, хорошая автомобильная трасса сообщением Барнаул — Новосибирск и всего в часе езды от Барнаула. Возможно, и они бы перебрались в Барнаул, как брат, но ему дали квартиру, а им-то пришлось бы зарабатывать на неё не один год. В пригороде проще — там можно купить недорого, а учителям в те годы предоставляли служебное жильё.

После выхода романа «Если любишь» Николай Николаевич засел за работу над новым крупным произведением на новую для него тему — период гражданской войны. Тему взял не вдруг. Работая во время войны в районной газете, Николай Николаевич много ездил по району, встречался с разными людьми, и они рассказывали ему не только о трудовых буднях и достижениях на полях и в МТС, но и вспоминали множество разных историй, которые он внимательно выслушивал. Так, в одну из поездок он познакомился с партизанской разведчицей Марией Чижовой, и она поведала свою историю жизни, которая глубоко поразила его и запомнилась. По прошествии двух десятков лет Николай Николаевич стал создавать по рассказу партизанки художественное произведение.

В 1970 году в альманахе «Алтай» № 2 выходит журнальный вариант повести Чебаевского «Колдунья». Острозащитное произведение понравилось не только читателям, но и заинтересовало книжное издательство. По совету редактора издательства А. Трескова повесть была переименована в «Страшную Марию» и в 1971 была издана 30-тысячным тиражом. Читатели приняли новую повесть так же тепло, как предыдущий роман. Книга пользовалась большим спросом и в библиотеках, и в книжных магазинах. Но, несмотря на это, критика встретила новое произведение довольно-таки прохладно. Своё мнение о повести высказали только П. Бородкин в газете «Алтайская правда» за 26 июня 1971 года и Т. Бородкина в журнале «Ставрополье» № 2 за 1971 год. Пётр Бородкин писал: «... Автор тонко передал особенности быта старой сибирской деревни, подчеркнул её беспросветную темноту. Лаконичны, но выразительны пейзажи...» и несколько ниже автор статьи подметил: «... Однако повесть не лишена недостатков, просчётов,

неточностей... схематизм в развитии событий, их неполнокровность... Стремление автора сказать о чём-то вскользь, мимоходом, улавливается не на одной странице... Однако и при отмеченных недостатках книга Чебаевского — явление в алтайской литературе отрадное». Всё, больше никаких откликов. Автор же большего ожидал от критики. Как-никак, а тему он проработал важную, хотя и не новую, но ракурсом взят необычный.

После создания повести «Страшная Мария» перерывы в творчестве опять же по причине болезни стали более затяжными — по несколько месяцев. Были случаи, когда писатель вынужден был госпитализироваться. Невозможность творить и принимать участие в общественной жизни доставляли душевное страдание не меньшее, чем болезнь — телу.

Он вынужден был пропустить отчётно-выборные собрания в 1971 и в 1973 гг. А ещё ряд краевых семинаров и общих рабочих собраний, на которых, как правило, обсуждали рукописи и книги и давали рекомендации для вступления в Союз писателей.

В 1973 году Алтайское книжное издательство по инициативе А. Трескова переиздало роман «Если любишь» большим тиражом — 60 000 экземпляров. К сожалению, сам инициатор переиздания романа не дожил до его выхода — скончался 6 марта. Для Николая Николаевича его смерть была ещё одной невосполнимой потерей. С момента подготовки к первому изданию романа они подружились и поддерживали тёплые отношения до последних дней. Часто встречались, общались подолгу. А поговорить им было о чём — оба родом из села, у обоих трудное детство. И по годам они почти ровесники — Тресков 1913 года рождения.

В 1974 году в семье Чебаевских произошло знаковое событие: старшая дочь Наталья вышла замуж, и на следующий год у Николая Николаевича и Валентины Васильевны появился первый внук Данил. Нужно ли говорить, какой радостью наполнились сердца бабушки с бабушкой?

Летом 1974 года, живя в Тогуле, Николай Николаевич, наслушавшись сообщений о достижениях тружеников

Старо-Тогульского отделения совхоза «Труд», решил написать о них очерк, рассказать о своих трудолюбивых земляках всем жителям края. Для сбора материала он выезжал на отделение, длительно беседовал с управляющим Иваном Леонтьевичем Желтухиным, которого, кстати, осенью 1973 года наградили орденом Трудового Красного Знамени. Познакомился он и с супругой управляющего — Анной Васильевной Желтухиной, бригадиром молочной фермы, награждённой ранее за высокие надои орденом Ленина. Очерк получился динамичный, живой, а назвал его Николай Николаевич «Надёжные люди». Именно так управляющий И. Л. Желтухин называл работников отделения. В 1975 году очерк был опубликован в сборнике «От Кулунды до Кош-Агача».

Рождение внука Данила совпало с рождением нового художественного произведения — небольшой повести о жителе Тогула Петре Круглове, погибшем во время Великой Отечественной войны. Вот как сам Николай Николаевич говорил о создании повести: «По-разному складываются судьбы людей. Даже посмертная слава приходит неодинаково.

Младший лейтенант Пётр Круглов погиб в 1942 году при обороне Сталинграда, совершив поистине бессмертный подвиг. О нём сразу же сообщила дивизионная листовка, а позднее, уже к 20-летию Сталинградской битвы, рассказал журнал «Огонёк».

Но никто не знал — откуда герой родом. В листовке упоминалось лишь, что Круглов — алтаец. Неясным было даже то, как это понимать — житель Алтайского края или алтаец по национальности.

Совет ветеранов при Волгоградском облисполкоме занялся поисками, и совсем недавно, в 1973 году, было установлено, что Пётр Круглов родился в селе Тогул на Алтае.

Я хорошо знал Петю Круглова. Мы жили в соседях, многие годы он дружил с моим младшим братом Валентином, тоже погибшим на фронте. И я счёл своим долгом написать повесть о герое».

В 1975 году повесть публикуют в альманахе «Алтай» № 2, а отрывок с названием «Фронтальная листовка» — в сборнике «Ради жизни на земле». Рецензентом повести выступил писатель-историк С. Семанов. В том же 1975 году Николай Ни-

колаевич подписывает с книжным издательством договор на переиздание повести «Свежий ветер». Книга тиражом в 50 000 экземпляров была выпущена в 1976 году, ровно через двадцать лет после первого издания.

А Николай Николаевич в это время заканчивал работу над новой повестью «У нас в Рябинках». История её создания уникальна. Через сорок лет после написания (в 2016 году) выяснилось, что над книгой работал не один Николай Николаевич, а в тесном соавторстве с Валентиной Васильевной. Это была вторая семейная пара литераторов на Алтае после супругов учителей И. Злышко и Н. Головиной.

Повесть «У нас в Рябинках» резко отличается от всех предыдущих произведений Н. Чебаевского не только стилем и изложением, но также и созданием образов, характеров, завязкой сюжета, вводом в действие новых героев и динамикой. В своей статье «Адрес поиска? Сегодняшний день!» («Алтайская правда» № 79, 06.04.1978 г.), главный редактор художественного вещания Алтайского телевидения В. Явинский, анализируя публикации в альманахе «Алтай» за 1977 год, из прозы выделил только повесть «У нас в Рябинках». *«...Остальные прозаические произведения, опубликованные в 1977 году, не пробуждают читательского восторга»,* — написал Явинский. А уж его-то вкусу доверять можно.

Но мы забежали вперёд, давайте вернёмся в 1976 год.

В тот год, книжное издательство напечатало повесть «Свежий ветер» довольно-таки солидным тиражом — 50 000 экземпляров. И хотя за переиздание больших гонораров не выплачивали, но, тем не менее, это для семьи Чебаевских было хорошей поддержкой, потому как финансовое положение, видимо, в семье было шаткое. Об этом можно судить по такому факту, как Николай Николаевич, не любитель обращаться за помощью, был вынужден подать в писательскую организацию заявление с просьбой оказать материальную помощь. Кстати, за этой помощью за всю свою творческую жизнь он обратился всего три раза и то в последнее десятилетие. На заседании бюро Алтайского отделения СП 9 июня рассматривался только один вопрос — оказание материальной помощи. После

рассмотрения заявлений, решено было выделить по сто рублей Бородину, Егорову, Чебаевскому, Черкасову, Панову и Попову²⁴.

Одно из заседаний бюро писательской организации, состоявшееся 24 ноября, было целиком посвящено предстоящему юбилею Николая Николаевича. В советское время в обществе и в каждой организации имелось много хороших наработок и традиций, связанных с деятельностью организации или человека, с памятью или знаковым событием. И очень жаль, что эти наработки и традиции старанием Запада и обезьяньей натуры большинства власть имущих чиновников исчезли вместе с империей СССР. Эти наработки имели очень глубокие моральные корни. Так, одной из традиций в Союзе писателей было проведение юбилеев авторов. Подготовка велась не хаотично и не скопом: за несколько месяцев до означенного дня создавалась комиссия по проведению юбилея, составлялся план, который утверждался на заседании бюро, и начиналась кропотливая работа. Задействованы, как правило, были все средства массовой информации, городская и краевая власти.

В комиссию по подготовке к юбилею Н. Чебаевского вошли В. Попов, Н. Дворцов и В. Сергеев. Все они — люди ответственные и авторитетные. А что же входило в их обязанности? Многое. В том числе определение и подготовка помещений для торжественной и неофициальной части юбилея. А ещё, как обычно, издание буклета и пригласительных билетов, юбилейной книги, решение вопроса о награждении юбиляра, подготовка и публикация материала о нём в газетах, журналах, сюжетов на радио и телевидении и тд. и т. п. Одним словом, забот у членов комиссии было предостаточно²⁵.

Чествование Н. Чебаевского состоялось 26 марта в 16 часов в лекционном зале краевой библиотеки им. В. Я. Шишкова. Желających поздравить и просто поприсутствовать было много. Ни одного свободного места в зале не осталось. Тем более, что накануне вышел из печати увесистый том

²⁴ КГКУ ГААК Ф. Р485 оп. 2, д. 76

²⁵ КГКУ ГААК Ф. Р485 оп. 2, д. 76

юбиляра с двумя самыми известными произведениями: романом «Если любишь» и повестью «Страшная Мария». Тираж книги — 100 000 экземпляров, целлофонированный и полноцветный переплёт. Иллюстрации к произведениям выполнил Б. Храбрый. Книга праздничная по тем временам, можно сказать, подарочное издание.

Многолетний творческий труд писателя и его вклад в литературу были отмечены по достоинству: Почётной грамотой Верховного Совета РСФСР. От местной же власти Постановлением № 28/9 от 18 февраля 1977 года Бюро Алтайского крайкома КПСС, исполнительного краевого Совета депутатов трудящихся и президиума краевого совета профессиональных союзов Н. Чебаевский награждался почётной грамотой крайкома КПСС, крайисполкома и крайсовпрофа «За заслуги в развитии литературы и в связи с 60-летием со дня рождения». Подписали Постановление секретарь крайкома Н. Ф. Аксёнов, председатель исполкома В. Н. Раевский, председатель крайсовпрофа П. П. Бородулин²⁶.

В «Алтайской правде» от 26 марта 1977 года В. Серебряный опубликовал небольшой очерк о жизни и творчестве писателя, в котором заметил, что «...очередная ступень в творческой биографии писателя — его новые повесть и роман о сельском учительстве — первая только что закончена, работа же над романом ещё в разгаре...». О повести мы уже говорили выше, она называется «У нас в Рябинках».

Развёрнутый очерк о писателе В. Серебряный опубликовал в альманахе «Алтай» № 1 за 1977 год. В нём журналист коснулся всех крупных произведений автора и более всех романа «Если любишь». Он привёл много выдержек из писем читателей Барнаула, Бийска, Кулунды. Например, вот что пишет военнослужащий К. Мухаметзянов: «Ваша книга «Если любишь» мне очень понравилась. На протяжении нескольких дней я жил с ее героями и чувствовал себя среди них...». Э. Магдеева из Кулунды: «Когда мне в библиотеке предложили прочесть роман «Если любишь», признаюсь, книга не заинтересовала меня своим названием. Но, прочитав первые страницы,

---

²⁶ КГКУ ГААК Ф. Р485 оп. 2, д. 81

я уже не могла оторваться, пока не были прочитаны последние строки...». Читательская оценка — самая дорогая для писателя. Это награда за его колоссальный душевный труд. Для Николая Николаевича, как и для каждого пишущего, хороший отзыв — это позитивный заряд, вдохновляющий на новые творческие свершения.

Последнее произведение, созданное Николаем Николаевичем и дошедшее до читателей, — повесть «У нас в Рябинках». Более ничего из своих многочисленных замыслов по состоянию здоровья писатель не успел завершить... Но и того, что написано, достаточно, чтобы память о нём навсегда осталась на родной земле. Все произведения его создавались не умом, а душой, любящей людей и жизнь. Читая повести, рассказы и роман Н. Чебаевского, обращаем внимание на названия сёл и деревень: в романе «Если любишь» село Дымелка, в повести «У нас в Рябинках» — Рябинки, в «Страшной Марии» — Сарбинка, в «Свежем ветре» — Тальники. Душевные, ласковые названия даны этим населённым пунктам неслучайно.

В июне 1979 года из-за обострения болезни Николай Николаевич даже не смог принять участие в отчётно-выборном собрании писательской организации, хотя знал, что оно очень важное по накалу обстановки. Для участия в данном мероприятии из Москвы прилетел председатель правления СП РСФСР Ю. В. Дудин. Из 21 члена отсутствовали только Чебаевский — по причине болезни и Панов — учёба на Высших литературных курсах. Необычность данного собрания была и по количеству участников: включая актив, со всех уголков Алтайского края в зале собралось 90 человек! Такого масштабного сбора в отделении СП не было ни до того дня, ни после²⁷.

Пропустить собрание — это не беда. Основная горечь заключалась в том, что Чебаевский не имел возможности принимать участия в общественной жизни. Собратья по перу регулярно ездили в командировки, на встречи с читателями, курировали работу литературных объединений, студий, кружков, а всё это новые встречи, знакомства —

²⁷ КГКУ ГААК Ф. Р485 оп. 2, д. 102

ЖИЗНЬ, одним словом. А он был зажат в четырёх стенах пятиэтажки. Думается, что нередко Николай Николаевич вспоминал свой родной Тогул, кружковцев...

С огромным нетерпением дождавшись лета, он выезжал в село, где его ждали с нетерпением любимые земляки. Встречи всегда были радостными и тёплыми, а расставания грустными. Нужно отметить, что с приездом Чебаевского в селе, несмотря на летнюю страду, оживала литературная жизнь: каждому из литкружковцев хотелось прочитать своё произведение и услышать о нём мнение именитого земляка.

В Тогуле Николай Николаевич жил до самых холодов, отдыхая душой и телом, набираясь благодатной жизненной энергии на длинную зиму. Да и творческий подъём у него происходил именно на родной земле. Там он делал зарисовки, прописывал характеры, составлял диалоги для будущих повестей и рассказов. Сам Николай Николаевич о жизни в селе говорил так: «Лето в Тогуле пролетает как один день, а зима в Барнауле тянется пятилеткой».

В 1981 году Чебаевский сдаёт в Алтайское книжное издательство и отправляет в Ленинград свою небольшую повесть «Пётр Круглов». Рецензентом, как мы уже говорили, стал известный писатель-историк С. Семанов. В 1982 году она была издана отдельной книгой тиражом 50 000 экземпляров и опубликована в журнале «Аврора» № 12. А сам писатель в это время, невзирая на обострение болезни, которая порой отнимала все силы, продолжал работать над новыми произведениями. Он вместе с героями своих творений проживал ту жизнь, которую хотел бы прожить в реальности, но волею судьбы не смог. А герои его романа, повестей и рассказов потому реалистичны, что автор в каждого из них вкладывал душу, верил в них, искренне переживал и радовался с ними.

К семидесятилетию писателя в 1986 году были переизданы самые популярные произведения: роман «Если любишь» и повесть «Страшная Мария». А читатели, скорее всего, ждали новых произведений любимого автора. И со стороны могло казаться, что писатель сошёл с круга, раз ничего нового за последние десять лет не издал. Но это было

не так, и в подтверждение тому мы приведём выдержки из очерка и статьи близко знавших его коллег.

В первом номере альманаха «Алтай» 1987 года журналист Виктор Серебряный опубликовал большой очерк к семидесятилетию Чебаевского. Рассказывая о достоинствах произведений писателя, журналист подчеркнул и труд литератора: *«С годами усложняются жанры и проблематика произведений Чебаевского; углубляются, более достоверными, «живыми», по-человечески интересными, многогранными становятся персонажи его книг; одно остаётся неизменным: авторская позиция — позиция активной и бережной доброты. Доброта эта становится с годами глубже, зорче. Прежде всего потому, что она с самого начала была искренней и вдумчивой... Оттачивается наблюдательность, богаче и выразительнее становится язык, естественнее интонация, зримее и точнее детали...»*. А в конце очерка Серебряный сообщил читателям, что на рабочем столе писателя практически готовый роман «И в грозу было солнце» (о сельских учителях в тридцатые — сороковые годы).

Его слова подтвердил Марк Юдалевич в газете «Алтайская правда» за 27 марта 1987 года в статье, посвящённой Николаю Николаевичу: *«Сейчас на его рабочем столе новые, ещё не оконченные рукописи, и в их числе роман о сельских учителях...»*.

Значит, всё-таки работал Николай Николаевич до последнего, создавал «разумное, доброе, вечное»...

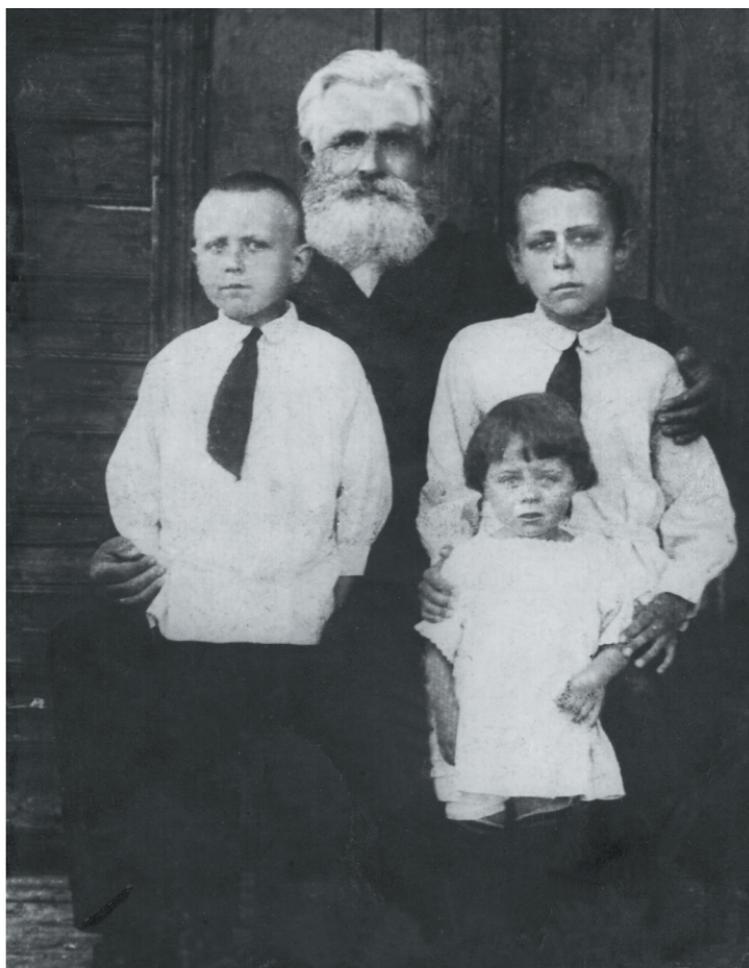
Николай Алексеевич Чебаевский с бабушкой

мама Н. Н. Чебаевского – Мария Ивановна

Отец Н. Н. Чебаевского – Николай Алексеевич

Слева направо: дед, Валентин, Николай и Инна Чебаевские

*Слева направо: Валентин, Мария Ивановна,
Николай, Николай Алексеевич, Инна*

*Николай Николаевич, Мария Ивановна,
Инна Николаевна*

*Николай Николаевич с женой Валентиной Васильевной
и сестрой Инной Николаевной*

Николай Николаевич
с Валентиной Васильевной

Николай Николаевич в кабинете

*Николай Чебаевский, Иван Фролов,
Валентина Чебаевская с подругой*

*В Тогуле в гостях у Чебаевских.
Слева направо: А. Махов, Г. Панов, А. Баздырев,
В. и Н. Чебаевские, И. Атаманов*

Работа литературного объединения в Тогуле.
Слева направо: И. Атаманов,
А. Махов, Н. Чебаевский

Обсуждение новой книги Н. Чебаевского.

Слева направо: М. Друговской,

А. Махов, Н. Чебаевский, И. Атаманов

Мемориальная доска на доме № 6
на ул. Горно-Алтайская в Барнауле

Шнайдер Владимир

Шнайдер Герман

Книжная серия «Имена Алтая»

выпуск третий

Николай Чебаевский

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Корректор: Е.А. Федькина

Верстка: А.К. Климашина

Подписано в печать **.**09**.2016 г.

Формат ****x***/****. Тираж 500 экз. Заказ ********.

Отпечатано в типографии ОАО «Алтайский дом печати»

656043, г. Барнаул, ул. Большая Олонская, 28

тел.: 8 (3852) 63-79-71

adp@adp.alt.ru